

В. А. Томсинов
Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 – 1954):
государственный деятель и правовед
Часть 11

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».

2020. № 12. С. 78–86. 2021. № 1. С. 87–94. № 2. С. 87–94. № 3. С. 87–94.

1

В конце ноября 1937 года следственные дела Бухарина, Рыкова и Ягоды были переданы из НКВД в прокуратуру СССР для завершения их подготовки к судебному процессу. Надлежало провести новые допросы обвиняемых и свидетелей, определить окончательный состав группы подсудимых для предстоявшего открытого процесса, отобрать материалы для обвинительного заключения, сформулировать пункты обвинения. Значительную часть этой работы прокурор СССР должен был взять на себя, но ее объем был настолько велик, что Вышинскому пришлось создать для проведения следственных действий специальную группу работников прокуратуры. Ее возглавил следователь по важнейшим делам при прокуратуре Союза ССР Л.Р. Шейнин. Андрей Януарьевич мог на него положиться — по свидетельству людей, знавших Льва Романовича, он очень тепло относился к своему начальнику, прокурору Союза ССР¹.

Новые допросы обвиняемых проводились прежде всего для того, чтобы получить от них подтверждение прежних признательных показаний, данных следователям НКВД. Так, в основном тексте протокола допроса Г.Г. Ягоды, который провели 10 января 1938 года Вышинский и Шейнин, зафиксировано следующее заявление бывшего наркома внутренних дел: «Все свои показания, данные ранее, в которых

¹ Камил Икрамов сообщает в своих воспоминаниях: «Мне рассказывали, что Лев Шейнин, когда проезжал мимо дома, где жил Вышинский, плакал настоящими слезами. Лев Романович очень любил Андрея Януарьевича» (Икрамов К.А. Дело моего отца. М., 1991. С. 222).

я признал свое участие в право-троцкистском контрреволюционном заговоре и сообщил о своей преступной, изменнической и террористической деятельности, подтверждаю полностью»². После этого обвиняемый дал ответы на заданные ему вопросы.

Вряд ли у Вышинского могли возникнуть какие-либо опасения в отношении того, что Рыков и Ягода вдруг откажутся на суде от признательных показаний, данных во время предварительного расследования. Бухарин же, напротив, был вполне способен на такой поступок. В личном письме, направленном Сталину 15 апреля 1937 года, Николай Иванович после многословных описаний своего душевного состояния вдруг проявил твердость характера и заверил Иосифа Виссарионовича: «Я отлично знаю, что со мной можно сделать теперь решительно все, что угодно (и "технически" и политически). Но на этих пунктах у меня собираются моментально для протеста все силы души, и я ни при каких условиях не пойду на такую подлость, чтобы клеветать на самого себя из страха или из других аналогичных мотивов»³. В письме же, написанном 10 декабря 1937 года, Бухарин предельно отчетливо заявил, что невиновен в преступлениях, о которых говорил на следствии. Перед этим он, правда, сообщил, что ничего не собирается брать назад из своих собственноручно составленных показаний. Но Сталин хорошо знал, что обещания и заверения Бухарина, какими бы они ни были, не стоило воспринимать всерьез, как окончательное его решение. Поэтому он поручил Вышинскому провести новые допросы и дополнительные следственные действия по бухаринскому делу.

Прокурор СССР лично допрашивал Бухарина по меньшей мере четырежды: 1 и 25 декабря 1937 года, 20 февраля 1938 года, а также в конце февраля 1938 года, во время очной ставки с А.И. Икрамовым.

Протоколы первых двух допросов до сих пор засекречены, но отрывочные сведения о показаниях, которые дал Николай Иванович, отражены в стенограмме судебного процесса по делу антисоветского

² Протокол допроса Г.Г. Ягоды от 10 января 1937 г. // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов. Казань, 1997. С. 235.

³ «Но я то знаю, что я прав». Письмо Н. И. Бухарина И. В. Сталину из внутренней тюрьмы НКВД // Источник. Документы русской истории. 2000 № 3. С. 57.

«право-троцкистского блока», которое рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР со 2 по 13 марта 1938 года.

Так, на утреннем заседании 3 марта Вышинский зачитал фрагмент из протокола допроса Бухарина, проведенного 25 декабря 1937 года. Николай Иванович признавал, что уже в 1926–1927 годах правые «готовились к открытым боям против партии»⁴. На судебном заседании вечером 3 марта Вышинский спросил Бухарина: «У вас была связь с Семеновым — эсером-боевиком, связь по террористической линии?.. Вы тогда знали от Семенова, что готовится покушение на товарищей Сталина и Кагановича?»⁵. Бухарин ответил, что Семенов сообщил о наличии у него связи с различными эсеровскими террористическими группами и предложил использовать эти связи «для террористической работы против руководства партии»⁶. Вышинский задал ряд уточняющих вопросов и, получив ответы на них, попросил суд разрешения огласить данные Бухариным во время предварительного следствия показания о предложении Семенова организовать террористический акт против Сталина и Кагановича. Председательствующий разрешил и Вышинский зачитал: «При допросе вас, подсудимый Бухарин, прокурором Союза 1 декабря вы показывали: “Я хочу показать правду и заявляю, что предложение это было мною доложено на совещании центра, и мы решили поручить Семенову организацию террористических групп”»⁷.

Протокол допроса Бухарина Вышинским, состоявшегося 20 февраля 1938 года, в России также засекречен, но его копия доступна в библиотеке Конгресса США, где хранится в коллекции документов, скопированных в российских архивах Д.А. Волкогоновым⁸. Прокурор СССР пытался добиться от Бухарина в течении этого допроса признания в соучастии вместе с Троцким и группами «левых коммунистов» и «левых эсеров» в заговоре против Ленина и

⁴ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского» блока, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда СССР 2–13 марта 1938 г. М., 1938. С. 121.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ См.: Dmitrii Antonovich Volkogonov. A Register of His Papers in the Library of Congress. Washington, 1996. P. 20.

возглавлявшегося им СНК весной 1918 года с целью создания нового правительства, способного разорвать Брестский договор с Германией.

Содержание допросов Бухарина, проведенных 1 и 25 декабря 1937 года и особенно 20 февраля 1938 года, свидетельствует, что их целью было получение от обвиняемого признаний в совершении не только преступлений, но и действий, порочивших его как большевика-революционера, разоблачающих его как противника не одного Сталина, но также и Ленина.

Открытый судебный процесс, для которого готовилось дело Бухарина, был предназначен показать его абсолютную беспринципность, выставить его человеком, способным на любые преступления ради достижения своих целей. С этой точки зрения вряд ли случайным являлся подбор лиц, которые должны были вместе с Бухариным предстать перед судом по делу антисоветского право-троцкистского блока. Преступления, которые им вменялись, пусть и косвенно являлись не только их преступлениями, но и преступными деяниями руководителей данного блока, а значит и Бухарина. Помимо общего обвинения во враждебной деятельности против Советского государства и в участии в право-троцкистском заговорщическом блоке, против них были выдвинуты конкретные обвинения по целому ряду тяжких преступлений.

Бывший нарком связи, а с 1924 по 1930 года Председатель СНК *А.И. Рыков* обвинялся в том, что лично создал террористическую группу для подготовки и совершения террористических актов в отношении товарищей Сталина, Молотова, Кагановича и Ворошилова.

Бывший нарком внутренних дел СССР *Г.Г. Ягода* обвинялся в организации убийства председателя ОГПУ *В.Р. Менжинского*, первого секретаря Ленинградского обкома *С.М. Кирова*, заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров СССР *В.В. Куйбышева* и *Максима Горького*.

Бывший лечащий врач Менжинского *И.Н. Казаков* обвинялся в том, что по заданию Ягоды убил Менжинского «вредительскими методами лечения».

В.А. Максимов-Диковский, бывший помощник Куйбышева, обвинялся в том, что содействовал убийству Куйбышева врачами.

Врач и консультант Кремлевской больницы и санчасти ОГПУ – НКВД, *Л.Г. Левин*, лечивший Менжинского, Куйбышева и Горького, обвинялся в убийстве этих своих пациентов неправильным лечением.

Доктор медицинский наук, выдающийся советский терапевт *Д.Д. Плетнев*, лечивший Горького в последние десять дней его жизни⁹, был обвинен в соучастии в его убийстве вместе с Левиным.

Секретарь НКВД *П.П. Буланов* обвинялся в непосредственном участии в убийстве Менжинского и Горького, бывшему секретарю Горького *П.П. Крючкову* вменили в вину участие в убийстве писателя.

Советник полпредства СССР в Германии *С.А. Бессонов*, народный комиссар финансов СССР *Г.Ф. Гринько*, первый заместитель наркома иностранных дел СССР *Н.Н. Крестинский*, начальник Управления научно-исследовательских институтов Наркомздрава РСФСР *Х.Г. Раковский* и народный комиссар внешней торговли СССР *А.П. Розенгольц* были обвинены в том, что вступили с изменническими целями в непосредственные сношения с представителями враждебных СССР иностранных государств и вели с ними переговоры о помощи им в случае их нападения на Советский Союз.

Первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана *А.И. Икрамов*, председатель Совнаркома Узбекской ССР *Ф.Г. Ходжаев* и первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии *В.Ф. Шарангович* обвинялись в проведении националистической политики и диверсионно-вредительской деятельности в разных отраслях народного хозяйства республик с целью вызвать недовольство населения и тем самым создать благоприятные условия для подготовки в период иностранной интервенции вооруженных выступлений против Советской власти.

Председатель Центросоюза *И.А. Зеленский*, заместитель наркома земледелия РСФСР *П.Т. Зубарев*, народный комиссар лесной промышленности СССР *В.И. Иванов* и народный комиссар земледелия СССР *М.А. Чернов* обвинялись в подрыве сельского хозяйства страны, в нарушении осуществлении крупных диверсионно-вредительских актов по снижению урожайности сельскохозяйственных культур, в срыве снабжения населения необходимыми товарами.

⁹ Писатель Максим Горький умер 18 июня 1936 г., а доктор Дмитрий Дмитриевич Плетнев был включен в состав лечивших его врачей 8 июня.

Группа обвиняемых по делу антисоветского право-троцкистского блока состояла из двадцати одного человека, но центральной фигурой на готовившемся открытом судебном процессе являлся, без сомнения, Николай Иванович Бухарин. Неслучайно именно ему вменялось совершение самого большого количества наиболее тяжких преступлений. И люди, которые должны были сесть на скамью подсудимых вместе с ним, а значит и вместе с ним взойти на эшафот, подбирались так, как подбирается свита восходящему на трон королю.

Это дело вполне можно было бы и официально назвать «делом **Бухарина**».

По меньшей мере шестеро из людей, включенных в группу обвиняемых по делу антисоветского право-троцкистского блока, были названы самим Бухариным. В своих показаниях на предварительном следствии он дал показания, порочившие Рыкова и Ягоду, уличавшие в преступных замыслах Икрамова, Ходжаева и Зеленского, раскрывавшие оппозиционные настроения Гринько.

Давая показания на Рыкова и Ягоду, Бухарин знал, что они арестованы и что его разоблачения мало что прибавляют к выдвинутым против них обвинениям. Но аресты Гринько, Зеленского, Икрамова и Ходжаева были произведены в июле, августе и сентябре 1937 года¹⁰. Имя Г.Ф. Гринько Бухарин назвал в собственноручно написанных показаниях, датированным им 23 июля 1937 года, в числе участников «контрреволюционной организации правых», указав при этом, что он «известен был как человек, сочувствовавший правым»¹¹. В то время Гринько был еще на свободе и занимал пост наркома финансов СССР.

Что же касается Зеленского, Икрамова и Ходжаева, то показания Бухарина давали весомое основание для возбуждения против них уголовных дел. В собственноручно написанных признаниях, датированных 26 августа 1937 года, он рассказал, как в 1933-м или 1934 году во время отпуска поехал на Тянь-Шаньский хребет и на обратном пути остановился на некоторое время в Ташкенте, в гостях у Акмаля

¹⁰ Файзулла Губайдуллаевич Ходжаев был арестован 9 июля 1937 г., Исаак Абрамович Зеленский — 7 августа 1937 г., Григорий Федорович Гринько — 30 августа 1937 г., Икрамов Акмаль Икрамович — 20 сентября 1937 г.

¹¹ Показания Н.И. Бухарина. 23 июля 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 50.

Икрамова¹², бывшего слушателя его лекций в Свердловском коммунистическом университете. «Икрамов, — сообщил Бухарин, — между прочим, упоминал о правой ориентации Файзуллы Ходжаева, хотя находил его чрезмерно-правым и не скрывал своих лично-неприятных отношений к Файзулле как человеку, сделанному из другого теста. Такого рода личные отношения, однако, не мешали их договоренности в основных политических вопросах. Мне вспоминается, что в этом же контексте он, кажется, говорил о Зеленском, которого к тому времени уже не было в Средней Азии¹³ (говорил он о нем, следовательно, в прошедшем времени) и о ком-то из крупных националов, может быть, о Рыскулове. Упоминал бегло о Цехере как своим единомышленнике.

Я сказал Икрамову, что центр тяжести работы правых должен быть в вербовке кадров, с чем он согласился, считая, что его пост дает ему возможность широко оперировать на этом фронте. Подробностями я не интересовался, т.к. рассматривал Икрамова достаточно квалифицированной фигурой, которая сама может сообразить, как и что. Икрамов обещал заходить ко мне в Москве, но, однако, не заходил. Я, с своей стороны, должен был заезжать к И[крамову], если буду в Ташкенте.

Таким образом, с Икрамовым была достигнута политико-организационная договоренность (согласие Икрамова с рютинской платформой, свержение руководства ВКП(б) с выпячиванием национального момента: подбор кадров, у Икрамова меньшая, чем у Ф. Ходжаева, тенденция к независимости)»¹⁴.

Об этих разговорах Бухарина с Икрамовым пойдет речь на их очной ставке в конце февраля 1938 года Акмаль Икрамович сначала будет отрицать сам факт ведения каких-либо политических разговоров с Николаем Ивановичем, но затем признает его. Когда Вышинский во время судебного процесса, на вечернем заседании 5 марта, станет

¹² На процессе Икрамов уточнил время, когда Бухарин гостил у него, сообщив, что он жил у него семь-восемь дней в августе или сентябре 1933 г. (Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского» блока. С. 310).

¹³ В 1924–1931 гг. И.А. Зеленский занимал пост председателя (ответственного секретаря) Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б)-ВКП(б).

¹⁴ Показания Н.И. Бухарина. 26 августа 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 63-64.

спрашивать Бухарина о его политических разговорах с Икрамовым, Бухарин зачем-то напомним Андрею Януарьевичу: «Дело в том, что Икрамов на очной ставке отрицал всякий разговор политического характера. Я заставил его сознаться»¹⁵.

С Ходжаевым Бухарин встречался в 1936 году, когда поехал в отпуск на Памир и по пути, как и раньше, заехал в Ташкент. Икрамова он там не застал и принял приглашение в гости от Ходжаева. Николай Иванович знал его, как он выразился, «шапочно-партийно», но говорил с ним тогда в первый раз в жизни. Поэтому, пояснил он, «с моей стороны изложение платформы правых носило скользкий характер и все же недостаточно конкретный. Если я не ошибаюсь, речь шла о могущих развернуться событиях, о массовой борьбе и т.д. без названия вещей своими именами, хотя по этим псевдонимам и можно было составить себе представление, о чем шла речь, как о перспективе. Ф. Ходжаев, с своей стороны, напирал на тенденцию независимости. Я легко возражал, говоря лишь о гарантиях более свободного подбора национальных кадров и т.д. Тем не менее, повторяю, общий язык был, в конце концов, найден, и мной была обещана поддержка aspirations Файзуллы. Поэтому уместно здесь говорить об организационно-политической связи»¹⁶.

Представленные Бухариным 26 августа 1937 года собственноручно записанные показания, в которых сообщалось об участии А.И. Икрамова в заговоре правых, не были единственным свидетельством об оппозиционных настроениях первого секретаря ЦК КП(б) Узбекистана по отношению к руководству ВКП (б), но явно самым весомым из всех.

В Узбекистан был направлен секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Андреев. 16 сентября 1937 года собрался пленум ЦК КП (б) Узбекистана, в начале заседания которого Андреев огласил письмо ЦК ВКП (б) и сообщение «О следственных материалах, изобличающих первого секретаря ЦК партии Узбекистана Икрамова в связях с антисоветскими и право-троцкистскими группами в Москве и буржуазно-националистическими предателями узбекского народа».

¹⁵ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского» блока. С. 313.

¹⁶ Там же. Л. 65.

Письмо ЦК ВКП (б) было датировано 10-м сентября 1937 года. Его содержание прозвучало на пленуме ЦК КП (б) Узбекистана как смертный приговор. Заверенное подписями Сталина и Молотова оно произвело на участников этого высшего республиканского партийного форума настолько сильное впечатление, что никто из его участников не посмел выступить в защиту Икрамова¹⁷.

«Ознакомившись: а) с показаниями арестованных Бухарина, Ф. Ходжаева, Разумова, Румянцева, Полонского, Ходжанова, Антипова, Рыскулова б) протоколами очной ставки т. Икрамова с Бухариным, Ф. Ходжаевым, Антиповым, Разумовым, Румянцевым и в) заявлением т. Икрамова, ЦК ВКП(б) установил, что: 1) т. Икрамов не только проявил политическую слепоту и близорукость в отношении буржуазных националистов врагов узбекского народа Ф. Ходжаева, Ходжанова, Балтабаева, Таджиева, Каримова и др., но иногда даже покровительствовал им¹⁸. 2) у т. Икрамова, по-видимому, были связи с руководителями троцкистско-правых групп в Москве (Бухарин, Антипов и др.).

ЦК ВКП(б) постановляет: 1) Предложить пленуму ЦК КП (б) Узбекистана обсудить вопрос тов. Икрамова и сообщить свое мнение ЦК ВКП(б), 2) командировать члена Политбюро ЦК ВКП(б) т. Андреева А.А. для разъяснения вопросов, связанных с настоящим письмом»¹⁹.

Икрамов пытался оправдаться, но безуспешно. 20 сентября пленум ЦК КП (б) Узбекистана единогласно принял решение снять Икрамова с поста первого секретаря, исключить из партии и передать его дело в органы внутренних дел с немедленным арестом²⁰. В тот же день это желание бывших подчиненных Икрамова было исполнено.

¹⁷ Сталин же выступлений в защиту Икрамова на пленуме ЦК КП (б) Узбекистана ожидал. 19 сентября он телеграфировал А.А. Андрееву: «Если пленум будет требовать ареста Икрамова, можно его арестовать, если нет — можно ограничиться пока освобождением его от поста секретаря и направить его в распоряжение ЦК ВКП(б). Дальнейшую судьбу Икрамова решить в Москве после Вашего возвращения в Москву» (И. В. Сталин, В. М. Молотов — А. А. Андрееву. 19 сентября 1937 г. // Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999. С. 373).

¹⁸ Любопытно, что среди врагов народа, которым А.И. Икрамов помог занять руководящие должности, был в первую очередь назван Ф.Г. Ходжаев. Между тем в действительности Икрамов приложил буквально нечеловеческие усилия, чтобы снять Ходжаева с поста председателя СНК Узбекистана и подвести его под арест.

¹⁹ Цит. по: *Икрамов К.А. Дело моего отца.* С. 303.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 288. Л. 56

1 ноября 1937 года в Политбюро ЦК ВКП (б) поступил документ под названием «Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР». В разделе «Бывшие члены и кандидаты ЦК ВКП (б)» были перечислены, в частности: Бухарин Николай Иванович., Гринько Георгий Федорович²¹., Зеленский Исаак Абрамович, Иванов Владимир Иванович, Икрамов Акмаль., Розенгольц Аркадий Павлович., Рыков Алексей Иванович., Чернов Михаил Александрович., Ягода Генрих Григорьевич²². Справа от этого списка стояла подчеркнутая помета «1-я категория». Она предрешила приговор к расстрелу, но все названные фамилии были зачеркнуты. Как понимать этот факт? Означает ли он, что до начала ноября 1937 года Сталин еще не думал о рассмотрении дела Бухарина на открытом судебном процессе и принял данное решение только при рассмотрении указанного списка?²³

Второй раздел датированного 1-м ноября 1937 года «Списка лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР» включал в себя бывших членов Комитета партийного контроля, Комиссии советского контроля и Ревизионной комиссии ЦК ВКП (б). Среди вычеркнутых из него лиц оказались Левин Александр Андреевич и Шарангович Василий Фомич²⁴. В пятом разделе, который включал бывших ответственных работников наркоматов, вычеркнутым оказался Раковский Христиан Георгиевич²⁵. Все названные лица из первого,

²¹ Здесь явно имеется ввиду кандидат в члены ЦК ВКП (б) с 1934 г. Гринько Григорий Федорович.

²² Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР // АП РФ. Оп. 24. Д. 412. Л. 122–123.

²³ Указанный первым в этом же списке, но не вычеркнутый из него, народный комиссар внутренних дел Украины Балицкий Всеволод Аполлонович не прожил и месяца: его осудили в особом порядке и расстреляли 27 ноября 1937 г., а следующий не вычеркнутый из этого списка – первый секретарь Башкирского областного комитета ВКП (б) Быков Яков Борисович – был осужден на заседании военной коллегии Верховного суда СССР 10 февраля 1938 г. и в тот же день расстрелян. С другой стороны, вычеркнутый из этого списка, как и Бухарин, комиссар государственной безопасности 1-го ранга Благодеров Георгий Иванович был все равно осужден к расстрелу, но только позднее – 2 декабря 1937 г. и в особом порядке. Привели же этот приговор в исполнение только 16 сентября 1938 г.

²⁴ Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Л. 124.

²⁵ Там же. Л. 130.

второго и пятого разделов позднее оказались фигурантами дела Бухарина.

* * *

25 февраля 1938 года Бухарину, Рыкову, Ягоде и другим обвиняемым по одному делу с ними было объявлено об окончании предварительного следствия. Обвиняемые заявили, что дополнить следствие ничем не могут, со своим делом знакомы, заявлений к прокурору СССР не имеют.

26 февраля 1938 года состоялось подготовительное заседание военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха, принявшее к слушанию «дело с обвинительным заключением прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского о предании суду Военной коллегии Верховного суда СССР: 1. Бухарина Николая Ивановича. 2. Рыкова Алексея Ивановича. 3. Ягоды Генриха Григорьевича. 4. Крестинского Николая Николаевича...»²⁶. Далее назывались остальные фамилии обвиняемых — всего в списке было двадцать одного человека. Определение, которое военная коллегия вынесла в конце подготовительного заседания по этому делу, состояло из следующих пунктов:

«1. Обвинительное заключение прокурора Союза ССР А.Я. Вышинского утвердить и дело принять к производству Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР.

2. Предать суду: Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоду Г.Г., Крестинского Н.Н., Раковского Х.Г., Розенгольца А.П., Иванова В.И., Чернова М.А., Гринько Г.Ф., Зеленского И.А., Бессонова С.А., Икрамова Акмаля, Ходжаева Файзулы, Шаранговича В.Ф., Зубарева П.Т., Буланова П.П., Левина Л.Г., Плетнева Д.Д., Казакова И.Н., Максимова В.А., Крючкова П.П. - по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1а, 58-2, 58-7, 58-8, 58-9, 58-11 УК РСФСР, а Иванова, Зеленского и Зубарева, кроме того, по обвинению в преступлениях, предусмотренных ст. 58-13 УК РСФСР.

²⁶ Протокол подготовительного заседания военной коллегии Верховного Суда СССР. 26 февраля 1938 г. // Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Казань, 1997. С. 240.

3. Дело назначить к слушанию на 2 марта 1938 года в Москве, в открытом судебном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, с участием обвинения и защиты.

4. Дело заслушать в следующем составе суда: председательствующий: председатель Военной коллегии Верх[овного] суда СССР – армвоенюрист В.В. Ульрих, члены: заместитель председателя Военной коллегии Верх[овного] суда СССР – корвоенюрист И.О. Матулевич и член Военной Коллегии Верх[овного] суда СССР – бригвоенюрист И.М. Зарянов.

5. Принять к сведению заявление прокурора Союза ССР А.Я.Вышинского о том, что поддержание государственного обвинения на судебном заседании Военной Коллегии он оставляет за собой.

6. Мерой пресечения всем перечисленным обвиняемым – оставить содержание под стражей»²⁷.

27 февраля 1938 года в ЦК ВКП (б) на имя товарища Сталина И.В. и в СНК СССР на имя товарища Молотова В.М. поступило подписанное наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым и прокурором СССР А.Я. Вышинским ходатайство, гласившее:

«Просим утвердить следующие предложения по делу БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ и других:

1. Дело БУХАРИНА, РЫКОВА, ЯГОДЫ и других передать на рассмотрение Военной Коллегии Верховного Суда СССР в составе:

Председательствующего – Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР – армвоенюриста тов. УЛЬРИХА В.В. и членов – зам. Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР – корвоенюриста тов. МАТУЛЕВИЧА И.О., члена Военной коллегии Верховного Суда – диввоенюриста ИЕВЛЕВА Б.И. и запасного Члена Суда – Члена Военной коллегии Верховного Суда СССР – бригвоенюриста тов. ЗАРЯНОВА И.М.

2. Государственным обвинителем по настоящему делу назначить прокурора Союза ССР тов. ВЫШИНСКОГО А.Я.

3. Рассмотрение дела назначить на 2-ое марта с.г. в 12 час. дня.

²⁷ Там же. С. 241.

4. Обвинительное заключение по настоящему делу опубликовать в печати по оглашению его в судебном заседании.

В обвинительном заключении, подлежащем оглашению в судебном заседании и опубликованию в печати, исключить места, содержащие в себе указания на иностранные правительства и фамилии официальных представителей иностранных государств в СССР.

5. Разрешить Верховному Суду Союза ССР допустить защитников в случае желаний подсудимых»²⁸.

На следующий день Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление, утвердившее предложения Ежова и Вышинского²⁹. В нем так же, как и в ходатайстве наркома внутренних дел СССР и прокурора СССР, передаваемое на рассмотрение военной коллегии Верховного суда СССР дело называлось «делом Бухарина, Рыкова, Ягоды и других».

Однако в сообщении из прокуратуры СССР о завершении следствия по нему, написанном Вышинским и опубликованном 28 февраля 1938 года в газете «Правда», это дело было обозначено иначе: «В настоящее время органами НКВД СССР закончено следствие по делу заговорщической группы под названием “право-троцкистский блок”. Как установлено следствием, эта группа организовалась по заданию разведок враждебных к СССР иностранных государств и поставила своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на дальнем Востоке – в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя, восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии»³⁰.

Звучавшие в этих словах обвинения крупных советских партийных и государственных деятелей в тяжких государственных преступлениях – в замыслах, направленных на уничтожение своей

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 111 л. 23-24.

²⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) о деле Бухарина, Рыкова, Ягоды и других. 28 февраля 1938 г. // АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 336. Л. 159 – 159об. Копия. Машинопись.

³⁰ Правда. 1938. № 58 (7383). 28 февраля. С. 2.

собственной страны, можно было бы признать измышлениями или по меньшей мере преувеличениями, если бы то, в чем они обвинялись в 1938 году, не осуществилось бы полвека спустя преемниками этих партийных и государственных деятелей, и при этом самым жестоким, самым бесчеловечным способом.

«Следствием установлено, — говорилось далее в сообщении, — что “право-троцкистский блок” объединил в своих рядах подпольные антисоветские группы троцкистов, правых, зиновьевцев, меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов Украины, Белоруссии, Грузии, среднеазиатских республик, Армении, Азербайджана.

Материалами следствия установлено, что участники право-троцкистского блока все свои надежды в борьбе против Советского правительства и за восстановление власти буржуазии возлагали исключительно на вооруженную помощь иностранных агрессоров, обещавших оказать эту помощь на условиях расчленения СССР и отторжения от СССР Украины, Белоруссии, среднеазиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья»³¹.

После описания преступных намерений обвиняемых в сообщении приводился вывод следствия о том, что «большинство главарей право-троцкистского блока осуществляло свою шпионскую, вредительскую, диверсионную и террористическую деятельность по прямому заданию ТРОЦКОГО, БУХАРИНА, РЫКОВА и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств»³². В завершение было сказано, что обвинительное заключение утверждено прокурором СССР и направлено в Военную коллегия Верховного суда СССР для рассмотрения в открытом судебном заседании, и что «дело слушанием в Военной коллегии Верховного Суда назначено на 2 марта с.г.»³³.

Опубликованный текст полностью совпадает с содержанием проекта этого сообщения, написанного прокурором СССР А.Я. Вышин-

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

ским³⁴, и повторяет начальные положения обвинительного заключения, которое прокурор СССР приготовил для оглашения в первый день судебного процесса по делу антисоветского «право-троцкистского блока».

Передовица газеты «Правда» в номере за 28 февраля 1938 года вышла под названием, предрешавшим судебный приговор — «"Право-троцкистский блок" убийц, шпионов, предателей»³⁵. Название передовицы следующего номера газеты, напечатанного 1 марта, звучало столь же категорично — «Подлая банда убийц и шпи-онов»³⁶. А ведь Военная коллегия Верховного суда СССР в то время еще даже не приступила к рассмотрению дела «право-троцкистского блока» в судебных заседаниях. Что же должен был тогда показать этот судебный процесс, если приговор, который надлежало вынести судьям по его окончании, был предрешен еще до его начала? В чем был его смысл?

2

2 марта 1938 года, в день начала судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока, передовая статья газеты «Правда» вышла под заголовком «Троцкистско-бухаринским бандитам нет пощады!». В ней сообщалось: «Сегодня перед Военной коллегией Верховного суда СССР предстанет заговорщическая группа под названием "право-троцкистский блок". Скамью подсудимых займет пойманная с поличным банда троцкистско-бухаринских шпионов, убийц, вредителей и диверсантов»³⁷. Обвиняемые характеризовались как «изверги, потерявшие всякое подобие облика человеческого», повинные в «тягчайших преступлениях, от одного перечня которых содрогается сердце и стынет в жилах кровь». Суд над ними представлялся не разбирательством, призванным подтвердить или опровергнуть выдвинутые против них следственными органами и прокуратурой обвинения, а процедурой, предназначенной продемон-

³⁴ Проект сообщения для печати о предстоящем судебном процессе над Н.И. Бухариным, А.И. Рыковым, Г.Г. Ягода и др. 27 февраля 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-8131. Оп. 37. Д. 111. Л. 26.

³⁵ Правда. 1938. 28 февраля. С. 1.

³⁶ Правда. 1938. 1 марта. С. 1.

³⁷ Правда. 1938. № 60 (7385). 2 марта. С. 1.

стрировать советскому обществу их преступные замыслы и деяния. Тяжкие преступления, совершение которых вменялось в вину подсудимым, объявлялись полностью доказанными предварительным расследованием в НКВД. Передовица «Правды» воспроизводила выдвинутые против них обвинения, но не в формулировках действующего Уголовного кодекса РСФСР, а в выражениях, свойственных советской пропаганде того времени: «Грязные бандиты — Бухарин, Рыков, Ягода и их приспешники — должны будут дать ответ за свои чудовищные злодеяния, перед которыми бледнеют все доселе известные образцы глубочайшего человеческого падения... Возродить в нашей стране капиталистическую каторгу, вернуть рабочих и крестьян под ярмо помещиков и капиталистов, расчленив нашу родину и предать ее в руки фашистских разбойников, обречь трудящиеся массы на ужасы фашистского террора — такова была мерзостная цель троцкистско-бухаринских гадов... Следствие установило неопровержимо, что шпионы и диверсанты, террористы и вредители из “право-троцкистского блока” действовали по заданиям Троцкого, Бухарина, Рыкова и по планам широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств»³⁸.

Названия иностранных государств в рассматриваемой статье не приводились, но нетрудно было догадаться, что под ними подразумевались прежде всего фашистские государства Германии и Японии. Думается, совсем неслучайно справа от передовицы были помещены заметки с названиями: «Раскрытие германского шпионского центра в США» и «Гитлеровская агентура в Чехословакии».

В заключительном абзаце статьи «Троцкистско-бухаринским бандитам нет пощады!», опубликованной в газете «Правда» 2 марта 1938 года, выражалась уверенность, что «творя волю народа, советское правосудие распутает до конца узел кровавых преступлений и воздаст матерым предателям то, чего они заслужили».

Заканчивалась публикация фразой, означавшей в переводе на юридический язык смертный приговор: «Нет места для этих извергов на нашей чудесной земле!»³⁹

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

Судебный процесс только начинался, а его конечный результат уже был объявлен в передовице газеты «Правда».

* * *

Первое заседание Военной коллегии Верховного суда СССР по делу антисоветского право-троцкистского блока открылось в Октябрьском зале Дома союзов в полдень 2 марта 1938 года.

Председательствующий В.В. Ульрих объявил, какое будет слушаться дело, назвав фамилии, имена и отчества подсудимых и указав, что они обвиняются в «измене родине, шпионаже, диверсии, терроре, вредительстве, подрыве военной мощи СССР, провокации военного нападения иностранных государств на СССР, — то есть в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58^{1а}, 58², 58⁷, 58⁸, 58⁹ и 58¹¹ УК РСФСР». В.В. Ульрих спросил каждого из подсудимых, получил ли он обвинительное заключение, затем огласил состав суда⁴⁰ и сообщил, что обвинение поддерживает прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский, а защитники будут только у Левина, Плетнева и Казакова, поскольку остальные подсудимые по окончании предварительного следствия отказались от защитников, выразив желание защищаться самостоятельно.

Задав вопрос каждому из отказавшихся от защиты подсудимых, не желает ли он все же иметь защитника, председательствующий заявил: «Разъясняю тем подсудимым, которые отказались от защиты, что они имеют право на защитительные речи, независимо от последних слов. Разъясняю всем подсудимым, что они имеют право задавать вопросы друг другу, а также давать разъяснения по отдельным моментам судебного следствия»⁴¹.

После этого В.В. Ульрих спросил прокурора СССР и адвокатов, не имеют ли они ходатайств о вызове дополнительных свидетелей по делу

⁴⁰ «Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР армвоенюрист В.В. Ульрих; члены суда: заместитель председателя Военной коллегии — корвоенюрист Матулевич И.О., диввоенюрист Иевлев Б.И. и запасный член суда — бригвоенюрист Зырянов И.М.».

⁴¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда СССР 2–13 марта 1938 г. М., 1938. С. 10.

или о приобщении к делу дополнительных документов. Услышав отрицательные ответы, председательствующий поручил секретарю суда огласить составленное Вышинским обвинительное заключение.

Подсудимые обвинялись не только в шпионаже против Советского государства и измене Родине, но также в убийстве деятелей Советского государства: С.М. Кирова, В.Р. Менжинского, В.В. Куйбышева, А.М. Горького. Формула обвинения состояла из пяти пунктов, однако главное ее содержание было заключено уже в первом пункте: «В 1932–1933 гг. по заданию разведок враждебных СССР иностранных государств обвиняемыми по настоящему делу была составлена заговорщическая группа под названием “право-троцкистский блок”, поставившая своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсию, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, поражение СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана и Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение существующего в СССР социалистического общественного и государственного строя и восстановление в СССР капитализма и власти буржуазии»⁴².

Текст формулы обвинения завершался утверждением о том, что «все обвиняемые уличаются как показаниями свидетелей, так и имеющимися в деле документальными данными и вещественными доказательствами, и полностью признали себя виновными в предъявленных им обвинениях»⁴³.

В конце обвинительного заключения сообщалось, что дела в отношении одиннадцати человек (Осинского В.В., Яковлевой В.Н., Манцева В.Н. и др.) «выделены в особое производство», что «дело в отношении д-ра Виноградова А. И. за его смертью производством прекращено. Дело в отношении Енукидзе А. С. рассмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 15 декабря 1937 года»⁴⁴. Это означало, что по делу антисоветского право-троцкистского блока проходило на самом

⁴² Там же. С. 36.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 37.

деле 34 человека, из которых перед судом предстал лишь 21 обвиняемый.

После оглашения текста обвинительного заключения председательствующий задал каждому подсудимому вопрос о том, признает ли он себя виновным в предъявленных ему обвинениях. Бухарин ответил: «Да, я признаю себя виновным в предъявленных мне обвинениях». Признали себя виновными и почти все остальные подсудимые. Только Николай Иванович Крестинский заявил: «Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником “право-троцкистского блока”, о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности, я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой»⁴⁵.

Ульрих напомнил Крестинскому о признании им своей вины на предварительном следствии. Тот ответил, что признавал, но никогда не был троцкистом. Председательствующий повторил вопрос, признает ли он себя виновным. «Я до ареста был членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и сейчас остаюсь я таковым», — сообщил в ответ Крестинский. «Вы признаете себя виновным в участии в шпионской деятельности и в участии в террористической деятельности?» — еще раз задал вопрос Ульрих. «Я никогда не был троцкистом, я не участвовал в «право-троцкистском блоке» и не совершил ни одного преступления»⁴⁶, — повторил свой ответ Николай Иванович.

Во время допроса на вечернем заседании следующего дня Крестинский все же признал свою вину, сделав следующее заявление: «Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состоянием, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен»⁴⁷. «Машинально?» — задал уточняющий вопрос Вышинский. «Я не в силах был, — покаялся Крестинский, — перед лицом мирового общественного мнения сказать

⁴⁵ Там же. С. 37–38.

⁴⁶ Там же. С. 38.

⁴⁷ Там же. С. 146.

правду, что я вел все время троцкистскую борьбу. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я *целиком* и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство»⁴⁸.

Признания обвиняемыми на первом заседании суда своей виновности не помешали им в ходе последующих допросов отвергнуть отдельные пункты обвинения, которые они посчитали слишком позорным признавать.

После того как на вопрос о признании себя виновным ответили все подсудимые, председательствующий обратился к Вышинскому: «Товарищ прокурор, у вас есть предложения о порядке ведения судебного следствия?» Вышинский ответил, что имеет такие предложения и попросил установить следующий порядок ведения судебного следствия: начать допрос с подсудимого Бессонова и далее допросить «Гринько, Чернова, Иванова, Крестинского, Зубарева, Рыкова, Шаранговича, Ходжаева, Зеленского, Икрамова, Раковского, Розенгольца, а затем Бухарина, Левина, Буланова, Ягоду, Плетнева, Крючкова, Казакова и последним Максимова»⁴⁹.

Председательствующий спросил защитников и подсудимых есть ли у них возражения против предложенного прокурором СССР порядка ведения судебного следствия. Убедившись, что возражений нет, объявил о переходе к допросу подсудимых.

Стенограмма судебных заседаний показывает, что объявленный Вышинским порядок допросов не был соблюден. Допрос Крестинского состоялся после допроса Зубарева, а не до него, как предполагалось. Розенголец допрашивался после Ходжаева, затем состоялся еще один допрос Крестинского, за ним шли допросы Раковского, Зеленского, Икрамова. После Бухарина Вышинский допрашивал Левина, Буланова и Ягоду, но Плетнева допросил после Крючкова. Судебное следствие завершилось, как и было намечено, допросами Казакова и Максимова.

Бухарин был назван четырнадцатым в установленной для допросов подсудимых очередности, но, безусловно, именно он являлся главной

⁴⁸ Там же..

⁴⁹ Там же. С. 39.

фигурой судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока. Фамилия Бухарина звучала в зале суда в показаниях четырнадцати обвиняемых⁵⁰, а в ходе допросов Бессонова, Иванова, Рыкова, Икрамова он допрашивался вместе с ними⁵¹. Отдельный допрос Бухарина был самым длительным из всех допросов, проводившихся в этом процессе: он занял половину вечернего заседания 5 марта и почти все утреннее заседание 7 марта⁵².

Как и на предыдущих показательных судебных процессах, состоявшихся в августе 1936 года и в январе 1937 года, в мартовском процессе 1938 года еще одним обвиняемым являлся пребывавший в эмиграции Л.Д. Троцкий. В обвинительном заключении он был назван «одним из вдохновителей заговора»⁵³. При этом утверждалось, что «его связь с Гестапо была исчерпывающе доказана на процессах троцкистско-зиновьевского террористического центра в августе 1936 года и антисоветского троцкистского центра в январе 1937 года. Однако, имеющиеся в распоряжении следствия по настоящему делу материалы устанавливают, что связь врага народа Троцкого с немецкой политической полицией и разведками других стран относится к значительно более раннему периоду времени. Следствием точно установлено, что Троцкий был связан с германской разведкой уже с 1921 года и с английской «Интеллидженс Сервис» — с 1926 года»⁵⁴.

* * *

Соединение в обвинительном заключении Бухарина с Троцким в рамках одной заговорщической группы под названием «право-троцкистский блок» кажется на первый взгляд слишком искусственным. Взаимоотношения этих людей носили весьма сложный характер.

⁵⁰ О Бухарине умолчали в своих показаниях на судебном следствии лишь подсудимые Чернов, Зубарев, Розенгольц, Крючков, Плетнев, Казаков.

⁵¹ См.: Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». С. 119–128, 153–156, 158–162, 169–170, 172–174, 312–316

⁵² См.: Там же. С. 331–390.

⁵³ Там же. С. 12.

⁵⁴ Там же.

Так, при жизни Ленина эти отношения были дружественными⁵⁵ и даже доверительными, во всяком случае Николай Иванович мог высказать Льву Давидовичу самые сокровенные свои мысли, будучи уверенным, что никто другой о них не узнает. В одном из черновиков незавершенной биографии Сталина Троцкий записал, что Бухарин сказал ему однажды (приблизительно в 1923 г.) о Сталине: «Он с ума сошел. Он думает, что он все может, что он один все удержит, что все другие только мешают»⁵⁶.

Сразу после смерти Ленина взаимоотношения Бухарина и Троцкого начали меняться. Причиной этому были идеологические разногласия. В декабре 1923 года Троцкий обратился к партийным организациям с письмом, в котором заявил об опасности деградации руководящего слоя большевистской партии. «Перерождение “старой гвардии”, — отметил он, — наблюдалось в истории не раз... И мы должны сказать — именно мы, “старики”, — что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не включает в себе, однако, никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, — если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающие молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми. Против этой несомненной опасности нет другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемена курса в сторону партийной демократии при большем и большем вовлечении в партию

⁵⁵ В начале мая 1922 г. Ленин серьезно заболел и почти одновременно с ним слег, порвав на прогулке сухожилие ноги, Троцкий. Бухарин пришел к нему и, не скрывая ужаса, сообщил о постигшем Ленина ударе. Описывая в мемуарах этот случай, Лев Давидович заметил: «В тот период Бухарин был привязан ко мне чисто бухаринской, т.е. полуистерической, полуребяческой привязанностью. Свой рассказ о болезни Ленина Бухарин кончил тем, что повалился ко мне на кровать и, обхватив меня через одеяло, стал причитать: “Не болейте, умоляю вас, не болейте... есть два человека, о смерти которых я всегда думаю с ужасом... это Ильич и вы”. Я его дружелюбно устыжал, чтоб привести в равновесие. Он мешал мне сосредоточиться на тревоге, вызванной вестью, которую принес. Удар был оглушающий. Казалось, что сама революция затаила дыхание» (*Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Том 2. Берлин, 1930. С. 207–208*).

⁵⁶ *Троцкий Л.Д. Портреты революционеров. Вермонт, 1988. С. 142.*

пролетариев, остающихся у станка»⁵⁷. Троцкий призвал «освежить и обновить партийный аппарат», чтобы заставить его почувствовать, что «он является исполнительным механизмом великого коллектива». «Совершенно недостаточно, — подчеркнул он, — чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала себе собственное мнение, собственное лицо, и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм — из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины, нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твердое мнение и мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации»⁵⁸.

Троцкий не принимал во внимание или сознательно игнорировал тот факт, что Коммунистическая партия являлась в Советском государстве не просто правящей силой — она составляла его политическую, идеологическую и кадровую основу. По этой причине превращение ее в дискуссионный клуб неизбежно вело к ослаблению государства и в конечном итоге к его крушению.

Центральный комитет ВКП (б) отреагировал на этот поступок Троцкого ответным письмом под названием: «Долой фракционность!», которое было опубликовано в виде брошюры и разослано местным партийным комитетам⁵⁹. Текст письма составил Н.И. Бухарин. Признав, что сами по себе рассуждения Троцкого о бюрократизации партии верны, Николай Иванович указал, что именно поэтому «в ватных одеялах этих рассуждений гораздо легче спрятать иголку, которая была направлена по адресу старых большевистских кадров и ЦК партии в первую голову»⁶⁰. Пагубность поступка Троцкого он увидел прежде

⁵⁷ Троцкий Л.Д. Новый курс (письмо к партийным совещаниям). М., 1924. С. 80.

⁵⁸ Там же. С. 81–82.

⁵⁹ См.: Долой фракционность! Ответ Центрального органа партии тов. Троцкому. М., 1924.

⁶⁰ Бухарин Н.И. К вопросу о поколениях в партии. Теоретические предсказания или фракционный ход? // Бухарин Н.И. Борьба за кадры. М., 1926. С. 96.

всего в том, что Лев Давидович во время ожесточенной внутривнутрипартийной дискуссии обратился через голову ЦК непосредственно к партийным собраниям. «Никто ни слова упрека не сказал бы тов. Троцкому за обсуждение теоретических возможностей, — заявил Бухарин. — Но суть дела как раз в том и заключается, что мы имеем резко выраженное платформенное, политическое выступление. Это выступление есть не что иное, как атака на ЦК при помощи тяжелейших (самых тяжелых для ЦК революционной партии) обвинений при желании опереться на неискушенный молодежь. Так и только так можно расценивать “стратегический план” тов. Троцкого»⁶¹.

Лев Давидович воспринял эту критику довольно спокойно. Вплоть до осени 1926 года он продолжал смотреть на Бухарина как на своего вероятного союзника в борьбе со Сталиным. Но Бухарин считал более выгодным для себя союз со Сталиным. Тем более что в их взглядах на государственную политику и характер правящей партии в то время было немало общего. На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б), состоявшемся 21–23 октября 1927 года Сталин в союзе с Бухариным добился исключения Троцкого и Зиновьева из состава Центрального комитета за фракционную деятельность. После попытки Троцкого провести 7 ноября 1927 года свою собственную демонстрацию и захватить с помощью толпы правительственные здания, Центральный комитет и Центральная контрольная комиссия своим постановлением от 14 ноября исключила Троцкого и Зиновьева из рядов ВКП (б). В январе 1928 года Лев Давидович был постановлением Особого совещания при ГПУ СССР выслан из Москвы в Алма-Ату.

Союз Бухарина со Сталиным оказался недолгим. Его разрушили обнаружившиеся весной 1928 года разногласия между ними относительно дальнейшей экономической политики партии и государства. Бухарин выступил против провозглашенной Сталиным и его сторонниками в руководстве ВКП (б) политики ускоренной индустриализации и интенсивной коллективизации крестьянских хозяйств. Николая Ивановича поддержали председатель Совета народных комиссаров А.И. Рыков и председатель ВЦСПС М.П. Томский. Так оформилась правая оппозиция в ВКП (б). Она была правой относи-

⁶¹ Там же. С. 98.

тельно экономической политики сталинской группировки, а не по отношению к Троцкому и его сторонникам.

Л.Д. Троцкий, который являлся вождем левого течения в коммунизме, открыто выражал свое неприятие правой оппозиции, считая это идеологическое течение предательством пролетарской революции. В заметке «Дипломатия и революционная политика?», написанной 1 июля 1929 года для «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)», он констатировал: «Рыковы, Бухарины, Томские самостоятельного значения не имеют, как не имеют его Брандлеры, Тальгеймеры, Эчеры, Кованды, Илеки, Нейраты и другие. Усиление правой фракции в коммунизме лишь отражает более глубокий процесс передвижки сил в сторону капиталистической реакции. Этот процесс имеет многообразное выражение: сюда входят: рост термидорианских элементов и настроений в советской республике, рост партий второго Интернационала, упадок влияния коммунизма, разгром революционного крыла, т. е. коммунистической оппозиции»⁶².

Однако в оценке экономической политики сталинского руководства ВКП (б) Троцкий оказался единомышленником Бухарина. В книге «Преданная революция. Что такое СССР и куда он идет?», написанной в 1936 году специально для западного читателя, Лев Давидович характеризовал коллективизацию сельского хозяйства, проведенную в СССР в начале 1930-х годов почти так же, как оценивал ее Бухарин по первым впечатлениям от рассказов об ужасах данной политики. «Двадцать пять миллионов изолированных крестьянских эгоизмов, которые вчера еще являлись единственными двигателями сельского хозяйства, — слабосильными, как мужицкая кляча, но все же двигателями, — бюрократия попыталась одним взмахом заменить командой двухсот тысяч колхозных правлений, лишенных технических средств, агрономических знаний и опоры в самом крестьянстве. Разрушительные последствия авантюризма не замедлили последовать, и они растянулись на несколько лет. Валовой сбор зерновых культур, поднявшийся в 1930 году до 835 миллионов центнеров, упал в следующие два года ниже 700 миллионов. Разница сама по себе не

⁶² Троцкий Л.Д. Дипломатия или революционная политика? (Письмо чешскому товарищу) // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1929. № 1-2.

выглядит катастрофической; но она означала убыль как раз того количества хлеба, какое необходимо было городам хотя бы до привычной голодной нормы... Гибель людей — от голода, холода, эпидемий, репрессий — к сожалению, не подсчитана с такой точностью, как гибель скота; но она тоже исчисляется миллионами. Вина за эти жертвы ложится не на коллективизацию, а на слепые, азартные и насильнические методы ее проведения. Бюрократия ничего не предвидела. Даже колхозный устав, пытавшийся связать личный интерес крестьянина с коллективным, был опубликован лишь после того, как злополучная деревня подверглась жестокому опустошению.

Форсированный характер нового курса вырос из необходимости спастись от последствий политики 1923-1928 годов. Но все же коллективизация могла и должна была иметь более разумные темпы и более планомерные формы. Имея в руках власть и промышленность, бюрократия могла регулировать процесс коллективизации, не доводя страну до грани катастрофы. Можно было и надо было взять темпы, более отвечающие материальным и моральным ресурсам страны»⁶³.

Григорий Яковлевич Сокольников, подсудимый на судебном процессе по делу антисоветского троцкистского центра, проходившего с 23 по 30 января 1937 года⁶⁴, говорил в своих показаниях: «Что касается программных установок, то еще в 1932 году **и троцкисты, и зиновьевцы, и правые сходились в основном на программе, которая раньше характеризовалась как программа правых.** Это — так называемая рютинская платформа; она в значительной мере выражала именно эти, общие всем трем группам, программные установки еще в 1932 году. Что касается дальнейшего развития этой программы, то руководящие члены центра считали, что в качестве изолированной революции наша революция не может удержаться как социалистическая, что теория каутскианского ультраимпериализма и теория бухаринского организованного капитализма, родственная ей, оказались правильными. Мы считали, что фашизм — это самый

⁶³ *Trotsky L. The Revolution Betrayed. What Is the Soviet Union and Where Is It Going?* / Translated by Max Eastman. New York, 1937. P. 39-41.

⁶⁴ По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Г.Я. Сокольников получил 10 лет, но в мае 1939 г. он был убит при весьма странных обстоятельствах одним из заключенных.

организованный капитализм, он побеждает, захватывает Европу, душит нас. Поэтому лучше с ним сговориться, лучше пойти на какой-то компромисс в смысле отступления от социализма к капитализму...»⁶⁵ (выделено мною. — В.Т.).

Признавая себя виновным на предварительном следствии и в суде, Бухарин тем не менее всячески старался отмежеваться, насколько это было возможно, от союза с Троцким. В письме к Сталину, датированном 10 декабря 1937 года, Николай Иванович просил, если будет ему сохранена, «паче чаяния», жизнь, выслать его «хоть на 25 лет в Печору или Колыму, в лагерь». Он обещал в этом случае создать там: «университет, институты, этнограф[ический] музей, краеведческий музей, картинную галерею, зоо- и фито- музей, технич[еские] станции и т.д., журнал лагерный, газету. Словом, — заключил он, — повел бы пионерскую зачинательскую культурную работу, поселившись там до конца дней своих с семьей»⁶⁶.

Но самым оригинальным было другое его предложение. Бухарин униженно умолял Сталина выслать его в Америку на энное количество лет. Для чего? «Я провел бы, — заверял он, — кампанию по процессам, вел бы смертельную борьбу против Троцкого, перетянул бы большие слои колеблющейся интеллигенции, был бы фактически Анти-Троцким, и вел бы это дело с большим размахом и прямо с энтузиазмом; можно было бы послать со мной квалифицированного чекиста и, в качестве добавочной гарантии, на полгода задержать здесь жену, пока я на деле не докажу, как я бью морду Троцкому и К^о и т.д.»⁶⁷.

В момент начала судебного процесса по делу антисоветского правотроцкистского блока Троцкий проживал в предместье Мехико Койоакане. За два дня до открытия первого судебного заседания он написал посвященную этому событию заметку для «Бюллетеня оппозиции». «По значению обвиняемых, — сообщал в ней Троцкий, — нынешний процесс далеко превосходит процесс Радека-Пятакова и приближается к процессу Зиновьева-Каменева. В списке обвиняемых не

⁶⁵ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 71.

⁶⁶ Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину. 10 декабря 1937 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 427. Л. 21об.

⁶⁷ Там же.

менее семи бывших членов ЦК партии, в том числе Крестинский, Бухарин, Рыков, бывшие члены Политбюро, т.е. учреждения, составлявшего фактически верховную власть советского государства. После смерти Ленина Рыков в течение свыше пяти лет был официальным главой правительства. Бухарин с 1918 года был редактором центрального органа партии, "Правда", а с 1926 года — официальным вождем Коминтерна, затем, после падения, — редактором "Известий". Раковский был главой украинского правительства, затем — послом в Лондоне и Париже. Крестинский, предшественник Сталина, в качестве секретаря ЦК партии, был затем несколько лет послом в Берлине. Ягода в течение почти десяти лет стоял во главе ГПУ, как наиболее доверенное лицо Сталина, и полностью подготовил процесс Зиновьева-Каменева. В составе обвиняемых не менее шести бывших членов центрального правительства. Из девяти человек, которые в эпоху Ленина были членами Политбюро, т.е. фактическими вершителями судеб СССР, не обвиненным остается ныне один Сталин. Все остальные объявлены агентами иностранных государств...»⁶⁸.

Троцкий умолчал в этой заметке о своей роли в данном судебном процессе, хотя она была весьма значимой. В обвинительном заключении утверждалось: «Следствием установлено, что большинство главарей "правотроцкистского блока", обвиняемых по настоящему делу, осуществляло свою преступную деятельность по прямому указанию Троцкого и по планам, широко задуманным и разработанным в генеральных штабах некоторых иностранных государств»⁶⁹. Фигуре Троцкого, таким образом, отводилась роль важнейшего звена в цепи тяжких преступлений, которую прокурор СССР А.Я. Вышинский должен был развернуть перед Военной коллегией Верховного суда СССР, опираясь на материалы, собранные следователями, и показания подсудимых и свидетелей в зале суда. Для Бухарина же участие Троцкого в этом процессе, пусть и заочное, незримое, было очень серьезным раздражителем.

⁶⁸ Троцкий Л.Д. Московский процесс 21-го. Новая расправа // Бюллетень оппозиции (большевик-ленинцев). 1938. № 64. 28 февраля.

⁶⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока». С. 13.

Оба эти человека отличались непомерным самолюбием, нежеланием подчиняться кому-либо, оба хотели быть на вершине власти. Их взаимоотношения всегда пронизывал дух соперничества, их споры между собой часто отличались ожесточенностью, стремлением разбить, растоптать, унижить друг друга. Почему же они оказались соучастниками одного и того же уголовного дела? Какая политическая цель достигалась соединением в одном судебном процессе двух бывших большевистских вождей, в недалеком прошлом непримиримо и жестоко противостоявших друг другу?

3

Многие загадки судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока могла бы прояснить его полная стенограмма в первоначальном варианте. Однако этот документ недоступен исследователям и невозможно с уверенностью сказать, сохранился ли он вообще.

В ходе процесса его краткая стенограмма публиковалась в газетах «Правда» и «Известия Советов депутатов трудящихся Союза ССР», а затем была издана Наркоматом юстиции СССР в качестве книги объемом в 384 страницы под названием «Судебный отчет по делу антисоветского “право-троцкистского блока”»⁷⁰. Почти одновременно с этим Наркомат юстиции выпустил более обширный вариант стенограммы процесса — объемом в 710 страниц⁷¹. На титульном листе в подзаголовке указано, что это «полный текст стенографического отчета». На самом деле данная версия не является полной: до сих пор засекречен хранящийся в Центральном архиве ФСБ стенографический протокол на 17 листах закрытого заседания данного процесса, которое состоялось 9 марта 1938 года.

⁷⁰ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Отчет составлен по тексту газет «Известия Советов депутатов трудящихся Союза ССР» и «Правда». М., 1938.

⁷¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2-13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938.

В 2013 году Международный фонд «Демократия» издал сборник документов «Процесс Бухарина 1938 г.»⁷². В него вошел текст машинописной копии стенографической записи заседаний данного процесса, хранящийся в фонде «Центральный комитет КПСС (1898, 1903–1991)» Российского государственного архива социально-политической истории⁷³. Этот текст поступил после окончания процесса из Военной коллегии Верховного суда СССР в Политбюро ЦК ВКП (б) для правки и согласования при подготовке к изданию. На его страницах остались рукописные исправления, внесенные И.В. Сталиным, А.Я. Вышинским, заместителем прокурора СССР Г.К. Рогинским, заведующим Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А.И. Стецким, а также адвокатами И.Д. Брауде и Н.В. Коммодовым.

Опубликованные варианты стенографической записи судебного процесса по делу антисоветского «право-троцкистского блока», даже неполные и частично искаженные, довольно ясно показывают подлинный смысл этого судебного спектакля, его главное предназначение. Вопросы, которые государственный обвинитель задавал подсудимым, были направлены прежде всего на выявление регулярной связи правой оппозиции с Троцким, а через него — с разведывательными органами враждебных СССР иностранных государств. Вместе с тем стратегия Вышинского имела и еще одну цель: обвиняемые в своих ответах должны были дать как можно больше свидетельств о том, что в борьбе за власть Бухарин и его сторонники допускали использование самых аморальных и преступных средств — вплоть до террора против руководителей ВКП (б) и сговора с правительствами фашистских государств Германии и Японии. Правые в ходе процесса — благодаря как вопросам обвинителя, так и ответам обвиняемых — постепенно все отчетливее представляли врагами не только Сталина, но и Советского государства и своего Отечества в целом.

⁷² Стенограмма открытого судебного заседания Военной коллегии Верховного суда СССР по делу «антисоветского право-троцкистского блока». 2–12 марта 1938 г.

// Процесс Бухарина 1938 г. Сборник документов / сост.: Ж.В. Артамонова, Н.В. Петров. М., 2013. С. 45–730.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 393–401.

Каждому из подсудимых отводилась в этом судебном спектакле своя роль, соответствовавшая той должности, которую он занимал до своего ареста. Поскольку главным пунктом обвинения был «шпионаж против Советского государства и измена Родине»⁷⁴, наиболее важными являлись показания тех из них, кто по роду своей государственной службы пребывал за рубежом или часто выезжал в заграничные командировки.

К таким подсудимым относился прежде всего *Сергей Алексеевич Бессонов*, занимавший до февраля 1937 года должность советника советского полномочного представительства в Берлине. В обвинительной речи прокурора СССР его показания о сговоре вождей антисталинской оппозиции с германской и японской разведками были представлены как самые весомые и подробные. Неудивительно, что именно с Бессонова Вышинский начал допрашивать обвиняемых в зале суда.

Стенографическая запись допроса С.А. Бессонова во время судебного следствия была отредактирована лично Сталиным. Иосиф Виссарионович явно придавал его показаниям повышенное значение, и уже по одной этой причине они заслуживают особого внимания. Любопытна и правка, которую Сталин внес в предназначавшийся для публикации текст стенограммы допроса Бессонова. Она являлась в значительной мере стилистической, способствующей более ясному выражению сути показаний подсудимых, зафиксированных стенографистами. Надо признать, что Сталин был довольно искусным редактором-стилистом. Однако многие его поправки носили и содержательный характер. Они позволяют лучше понять, какой смысл имел для Сталина проходивший в первой половине марта 1938 года судебный процесс по делу антисоветского право-троцкистского блока.

Из показаний С.А. Бессонова следовало, что в троцкистскую организацию он был вовлечен в 1931 году Пятаковым, в то время заместителем председателя ВСНХ СССР. Бессонов тогда работал в берлинском торгпредстве, и его главной задачей стало создание в Берлине и обеспечение функционирования постоянного пункта связи Троцкого с оппозицией внутри Советского Союза. Юрий (Георгий)

⁷⁴ Обвинительное заключение по делу Бухарина Н. И., Рыкова А. И., Ягоды Г. Г., Крестинского Н. Н., Раковского Х. Г. и др. // Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 13.

Леонидович Пятаков был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 30 января 1937 года, поэтому единственным способом уточнить эти признания Бессонова оставался допрос. Для подтверждения своих показаний Сергей Алексеевич должен был рассказать в подробностях, как именно Пятаков привлек его в троцкистскую организацию и как удалось организовать постоянную связь Троцкого с оппозиционерами, действовавшими в СССР.

Государственный обвинитель задал Бессонову вопросы, которые в этом контексте прежде всего и требовалось прояснить. «Ваше служебное положение представляло значительное удобство для выполнения обязанностей связиста?» — спросил он подсудимого. «Совершенно правильно», — ответил тот. «Вы согласились на эту роль?» — продолжил допрос Вышинский. «Да, я согласился», — сказал Бессонов. «Почему?» — спросил Вышинский.

Рассказ Бессонова о том, как в начале 1930-х годов он вошел в троцкистскую организацию, в стенографической записи судебного процесса, опубликованной в газете «Правда», был отражен лишь частично. Согласно этой записи Бессонов сообщил: «Пятаков, когда он вел со мною один из решительных разговоров в этой области, дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР. Прежде всего он отметил факт общения троцкистов и зиновьевцев на общей платформе. Он указал далее на то, что предприняты шаги, установлен контакт с правыми, шаги, которые обещают быть очень успешными»⁷⁵. После этого сообщения в газетном варианте стенограммы процесса были приведены вопросы государственного обвинителя: «Вы тогда из разговоров с Пятаковым узнали, что существует оформленная организация?» и «Под чьим руководством эта организация действовала?»⁷⁶ Признав, что такая организация действительно существует, Бессонов заметил: «Пятаков нисколько не скрывал, что организация в целом руководствовалась директивами Троцкого»⁷⁷. На вопрос же Вышинского «Что конкретно вам говорил Пятаков относительно правых и кого он называл?» Бессонов ответил, что Пятаков

⁷⁵ Допрос подсудимого Бессонова // Правда. 1939. № 61 (7386). 3 марта. С. 5.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

сообщил ему о предпринимаемых шагах «для установления организационного контакта с правыми», а именно: «с Бухариным, Рыковым и Томским»⁷⁸. Бухарин, отвечая на вопрос Вышинского, подтвердил, что попытки контакта правых с зиновьевцами, а потом и с троцкистами, действительно предпринимались.

Из сокращенного газетного варианта стенографического отчета о судебном процессе вытекало, что Бессонов дал согласие войти в состав троцкистской организации потому, что поверил рассказу Пятакова о возрастающей мощи антисталинской оппозиции вследствие объединения троцкистов и зиновьевцев в одну организацию с правыми, возглавляемыми Бухариным, Рыковым Томским.

В действительности, как показывает черновой текст стенограммы процесса, представленный для правки в Политбюро, Бессонов в зале суда сначала говорил о том, что Пятаков охарактеризовал не состояние оппозиции внутри СССР, а **«положение внутри СССР»**, причем «довольно подробно». Приведенную во всех публикациях стенограммы процесса фразу «...дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР» Бессонов произнес, рассказывая о последующих разговорах с Пятаковым. Но Сталин перенес ее в начало показаний Бессонова о разговорах с Пятаковым. На самом деле Бессонов сначала сказал: «Пятаков, когда он вел со мною один из решительных разговоров в этой области, он *охарактеризовал мне довольно подробно положение внутри СССР»* (курсив мой. — В.Т.). Заменяя выделенные курсивом слова на фразу «дал мне картину состояния оппозиции внутри СССР», Сталин оставил дальнейший текст в предназначенной для печати более полной, не газетной, версии стенограммы. Но именно в удаленных словах заключена главная причина, побудившая Бессонова присоединиться к антисталинской оппозиции.

Сергей Алексеевич сказал на суде о разговоре с Пятаковым: «Он обрисовал положение в СССР, *как я сейчас представляю*, в совершенно ложном виде». При редактировании стенограммы процесса Сталин удалил слова, выделенные курсивом, и определение «ложном» усилил еще одним — «клеветническом». Однако оставленные в опубликованном тексте стенограммы последующие признания Бессо-

⁷⁸ Там же.

нова показывают: на самом деле Сергей Алексеевич не считал, что Пятаков неверно обрисовал положение в СССР. Бессонов счел необходимым добавить после слов «в совершенно ложном виде» следующее уточнение: «Но тем не менее⁷⁹ картина, которую он нарисовал, была достаточно выразительной, чтобы повлиять на меня определенным образом. Кроме того, сам Пятаков, как личность, не мог не импонировать мне. Из среды людей, с которыми до сих пор сталкивала меня жизнь, он великолепно ориентировался в европейских делах и импонировал мне⁸⁰ как хозяйственник. Я стал слушать Пятакова со значительно большим вниманием, чем при других обстоятельствах»⁸¹ (выделено мною. — В.Т.).

Таким образом, свое согласие вступить в ряды оппозиции Бессонов в своих показаниях на суде в действительности связывал с положением внутри СССР. Нарисованная Пятаковым картина этого положения (можно догадаться — чрезвычайно печальная) и побудила его к оппозиционной деятельности. Вторым побудительным фактором стала сама личность Пятакова. В опубликованных же версиях стенограммы процесса показания Бессонова были отредактированы так, что главным побудительным мотивом его вступления в ряды оппозиции представлялось внушенное ему Пятаковым мнение о возраставшей силе и многочисленности оппозиции, объединявшей в своих рядах Троцкого, Зиновьева, Каменева, Пятакова, а также вождей правых — Бухарина с Рыковым и Томским.

В своих показаниях на суде Бессонов уже в начале допроса заявил, что основной задачей, поставленной перед ним Пятаковым, «было установление постоянной, регулярной связи с Троцким»⁸². В процессе допроса он еще раз подтвердил это: «Пятаков поставил передо мной

⁷⁹ Сталин удалил слова «но тем не менее» из текста стенограммы, который готовился для печати.

⁸⁰ Черновой вариант стенограммы на этом слове и следовавшем за ним предлоге «в» обрывался. Сталин удалил этот предлог и добавил слова «как хозяйственник».

⁸¹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 42.

⁸² Там же. С. 41,

задачу — организовать систематическую, постоянную связь с Троцким»⁸³.

Вышинский отреагировал на это заявление вполне логичным вопросом: «Что же реально вы сделали в этом отношении?» В ответ Бессонов рассказал, что после нескольких разговоров с Пятаковым на эту тему в начале мая 1931 года, он, по его совету и с его рекомендательной запиской, «разыскал в Берлине сына Троцкого — Седова и через него передал первое письмо Пятакова к Троцкому»⁸⁴.

Логичным был и следующий вопрос Вышинского: «Скажите, где, когда, в какое время и при какой обстановке вы вручали ему письмо?» Сергей Алексеевич рассказал, как встретился со Львом Седовым, и какой разговор между ними состоялся. По его свидетельству, в конце разговора сын Троцкого заметил, что «необходимо, если ставить перед собой задачу постоянной связи, выделить специального человека, не столь стоящего на виду, как стоит он, Седов»⁸⁵.

Такой человек нашелся. В конце июня или начале июля 1931 года Пятаков представил Бессонову в качестве кандидатуры на роль связника между Троцким и оппозицией внутри СССР инженера Райха, который был троцкистом с 1923 года, работал в Берлинском торгпредстве, говорил на нескольких европейских языках и очень хорошо знал Европу. По рассказу Бессонова, получив предложение стать для Троцкого связником, Райх возразил, что сотруднику советского торгового представительства, который всюду ездит с советским паспортом, это довольно затруднительно, потому что на каждой границе он будет вызывать специальное внимание; иностранец с такой работой справился бы лучше. Когда об этом сообщили Пятакову, он сказал, что «иностранца искать для этой цели нет смысла, а можно Райха сделать иностранцем». Факт превращения советского служащего Райха в иностранца Карла Иогансона Вышинский заставил Бессонова осветить подробнее. И Сергей Алексеевич рассказал, что «в конце 1931 или начале 1932 года Райх, будучи советским гражданином, сотрудником торгпредства, сделался, благодаря содействию троцкистов и деньгам,

⁸³ Там же. С. 44.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

датским гражданином»⁸⁶. Весной 1932 года он был откомандирован в Москву, но в Москву не поехал, став невозвращенцем. «Его работа, — пояснил Бессонов, — выражалась в систематическом привозе и отвозе корреспонденции. Во-вторых, он организовывал встречи с Троцким или с Седовым, когда это нужно было»⁸⁷.

Завершая свой рассказ о том, как осуществлялось взаимодействие Троцкого и вождей оппозиции внутри СССР, Бессонов сообщил, что берлинский пункт связи существовал до его отъезда из Берлина в Советский Союз в феврале 1937 года. За это время Троцкому было передано и отправлено от него большое количество писем. «Я не могу сейчас вспомнить, какое количество, — заметил он, — но во всяком случае речь шла о 6–7 директивах-письмах в обе стороны в год. Кроме этого, был целый ряд писем, которые посылались дипломатической почтой. Кроме того, существовали письма, которые пересылались дипломатической почтой на иностранных бланках главным образом германских и бельгийских фирм, которые на деловом языке сообщали очередные, наиболее срочные, сведения»⁸⁸.

Приведенные Бессоновым подробности об установлении регулярной связи Троцкого с оппозиционерами внутри Советского Союза должны были произвести впечатление не столько на судей, сколько на публику, заполнившую зал судебного заседания, а в конечном итоге на советское общество в целом. Поэтому, ведя допрос, Вышинский обращал особое внимание на любые подробности в высказываниях подсудимого, порочившие оппозицию в общественном мнении. Одной из таких деталей стала тема финансирования деятельности связника Троцкого. В сокращенном, газетном, варианте стенограммы, рассчитанном на широкий круг читателей, показания Бессонова по этой теме были приведены почти полностью, лишь с незначительными сокращениями.

Допрос, которому был подвергнут Бессонов при выяснении финансового обеспечения пересылки писем от Троцкого в СССР и обратно, отчетливо демонстрирует, каким мастерством словесной

⁸⁶ Там же. С. 47.

⁸⁷ Там же. С. 48.

⁸⁸ Там же. С. 61.

эквилибристики обладал Вышинский, как умел он добиваться от подсудимых показаний, выставлявших оппозицию в неблагоприятном свете перед советским обществом.

«Райх заявил, — сказал Бессонов, — что техника связи представляет собою очень простое, несложное дело, правда, это требует довольно большого количества денег»⁸⁹. Согласно тексту стенограммы процесса, опубликованной в ее расширенном объеме, рассказывая о второй встрече со Львом Седовым, Бессонов сообщил, что передал ему письмо Троцкому от Пятакова и 2 000 марок «специально на расходы, связанные с переправкой первых писем». «Что это были за деньги?» — поинтересовался Вышинский. «Я не знаю. — ответил Бессонов. — Пятаков располагал довольно большими суммами»⁹⁰.

Казалось бы, государственный обвинитель должен был этим удовлетвориться. Но он не остановился, пока не получил от обвиняемого нужного ему ответа. «Это были деньги Советского государства, предоставленные Пятакову как председателю комиссии по переговорам», — сказал в конце концов Бессонов, сообщив после еще одного уточняющего вопроса Вышинского, что деньги были предоставлены «для так называемых представительских расходов». Андрей Януарьевич как будто ждал этого признания, чтобы обрушить на оппозиционеров новое обвинение. «Как вы можете это квалифицировать в соответствии с нынешней обстановкой на языке Уголовного кодекса? Как можно квалифицировать такое использование чужих средств в преступных целях?» — допытывался обвинитель. Бессонов в ответ промолчал. «Может быть я вам помогу?» — предложил Вышинский. Бессонов ответил подобострастно, но с легкой дерзостью: «Я думаю, что вы это сделаете лучше меня. То, что у меня может звучать сейчас неискренно и неубедительно, у вас будет звучать по-настоящему».

Вышинский оценил поступки Пятакова действительно по-настоящему, без эвфемизмов: «Выходит так, что Пятаков крал государственные деньги? Воровал их и направлял эти деньги на помощь

⁸⁹ Там же. С. 46.

⁹⁰ Там же. С. Там же. С. 45.

троцкистской организации?» Бессонову осталось лишь согласиться: «Да, совершенно верно»⁹¹.

«Финансирование троцкистской организации за счет интересов Советского государства продолжалось и дальше?» — спрашивал Вышинский. «Безусловно»⁹², — соглашался Бессонов.

— «А вы ему помогли в этом деле?»

— «Да».

— «Он воровал, вы ему помогли, передав от Пятакова 2 000 марок, принадлежащих Советскому государству».

— «Да, это так, но на этом денежные отношения с Седовым кончились, потому что, насколько я помню, в тот период через Седова было отправлено и получено не больше трех писем».

Хотя Бессонов заявил, что денежные отношения с Седовым закончились, едва начавшись, Вышинский продолжил эту тему.

«А вообще денежные отношения с троцкистами на этом кончились?» — спросил он Бессонова, и Сергей Алексеевич не устоял в своем отрицании. «Я предпочитаю коснуться этого позже, потому что имею показать по этому вопросу целый ряд фактов», — сказал он и тут же добавил то, что прямо противоречило его предыдущему заявлению: «Должен сказать, что, конечно, денежные отношения с троцкистами на этом отнюдь не закончились»⁹³

С точки зрения Вышинского, наибольшее значение для обвинения оппозиции в преступлениях против Советского государства имели показания Бессонова о связях троцкистов и правых с правительственными кругами Германии и Японии. В своей обвинительной речи, произнесенной на утреннем заседании суда 11 марта 1938 года, когда будут завершены допросы всех подсудимых, прокурор СССР сказал: «Троцкий, как это было установлено на предыдущих процессах и как это вновь подтверждено на настоящем процессе, договорился с германской и японской разведками о совместной борьбе против СССР и Советской власти. Мы и на этом процессе имеем по этому поводу очень подробные показания одного из обвиняемых, именно обвиняемого

⁹¹ Там же. С. 45.

⁹² Там же. С. 46.

⁹³ Там же. С. 45–46.

Бессонова. Он сказал, что соглашение это было заключено на основе тех пяти пунктов, которые он привел в своих показаниях.

Это, во-первых, — обоюдный саботаж всех официальных отношений, саботаж нормализации отношений между СССР и Германией...

Второй пункт соглашения — всестороннее сотрудничество троцкистских организаций в СССР с германскими подпольными и шпионскими организациями и их агентами. Для чего? Для подрыва военной и хозяйственной мощи СССР, для ускорения поражения СССР в войне.

Третий пункт — содействие германского фашизма государственному перевороту в СССР в целях перехода власти в руки “право-троцкистского блока”.

Четвертый — ускорение интервенции и немедленное заключение мира с новым правительством после его прихода к власти естественный шаг в плане той изменнической работы, которую вели эти господа.

Пятый — отторжение Украины от СССР в пользу Германии, как отторжение Приморья в пользу Японии, как и отторжение Белоруссии в пользу Польши, как расчленение всего нашего Советского Союза путем отторжения отдельных областей и республик и отдачи их в распоряжение иностранных империалистов»⁹⁴.

Показания Бессонова об этом соглашении троцкистов и правых с гитлеровским правительством Германии нашли отражение в стенографической записи его допроса на утреннем заседании суда 2 марта 1938 года. По его свидетельству, он несколько раз лично встречался с Троцким и непосредственно от него узнал о стремлении оппозиции заручиться в борьбе за власть в Советском Союзе поддержкой высших должностных лиц нацистской партии и правительства Германии. Бессонов рассказал, в частности, что первая его встреча с Троцким состоялась в одной из гостиниц Парижа в конце июля 1934 года. На вопрос Вышинского: «Что вы говорили с Троцким по поводу ваших троцкистских подпольных задач?» Сергей Алексеевич ответил: «Он поставил задачу перед своими сторонниками, работающими на дипломатическом поприще, о взятии линии на саботаж официальных соглашений, чтобы стимулировать интерес немцев к неофициальным

⁹⁴ Там же. С. 588.

соглашениям с оппозиционными группировками... Он говорил, что нам в этом вопросе стесняться нечего, что нам может быть обеспечена действительно серьезная, настоящая помощь со стороны Гесса и Розенберга»⁹⁵.

Согласно показаниям Бессонова, в обмен на эту помощь Троцкий вполне допускал для оппозиции возможность в случае прихода к власти пойти на «широкие территориальные уступки» в пользу Германии. Поясняя на допросе по настоянию государственного обвинителя эту позицию троцкистов, Бессонов привел следующие высказывания Троцкого: «Мы пойдем на уступку Украины... учтите это в своей работе и в своих разговорах с немцами, и я напишу об этом еще и Пятакову и Крестинскому». После этого, вспоминал Бессонов, Троцкий «остановился на вопросах, связанных с работой троцкистских организаций в Советском Союзе, и при этом с особенной силой подчеркнул, что в обстановке назревающей неизбежной войны единственно возможной формой прихода троцкистов к власти является поражение Советского Союза в этой войне.

Затем он остановился на вопросе о методах работы троцкистских организаций в Советском Союзе, с особой силой подчеркнув вопрос о необходимости обострения самых крайних террористических методов борьбы». По свидетельству Бессонова, Троцкий прямо сказал, что было бы «непростительным жеманством, если бы мы, его сторонники в Советском Союзе, не перешли сейчас к прямому уничтожению и устранению Сталина и всех его ближайших сторонников»⁹⁶.

Последняя встреча Бессонова с Троцким состоялась, как явствует из его показаний, в октябре или ноябре 1936 года в Берлине. Бессонов привез письменное сообщение от Н.И. Крестинского, в котором говорилось о резком ухудшении дел у троцкистского центра в связи с арестами Пятаков, Радека и целого ряда других его членов и содержалась просьба форсировать во что бы то ни стало «соглашение, достигнутое троцкистами с германской национал-социалистической партией по вопросу о возможности ускорения войны, облегчающей

⁹⁵ Там же. С. 62.

⁹⁶ Там же.

приход троцкистов к власти»⁹⁷. Троцкий в свою очередь передал Бессонову ответное письмо Крестинскому.

В декабре 1936 года пребывавший в Берлине Бессонов, согласно его показаниям, передал Троцкому, новое письмо от Крестинского — на этот раз через Карла Иогансона⁹⁸. Сергей Алексеевич получил это письмо на свое имя и поэтому знал о его содержании. «Что вы там вычитали?» — спросил его Вышинский на допросе. Бессонов ответил, что речь шла о тяжелом положении троцкистов в Советском Союзе, при котором дожидаться, пока раскачаются немцы, они не могут, и поэтому «просят санкции выступить до развертывания войны, до выступления немцев, при помощи центра, который они организовали»⁹⁹.

В показаниях Бессонова содержались вполне проверяемые факты и подробности, которые трудно было придумать не только полуграмотным следователям НКВД, но и самому Бессонову. Тем не менее его показания явно редактировались и подгонялись под определенную схему судебного процесса. Нетрудно догадаться, что в основном эту

⁹⁷ Там же. С. 63.

⁹⁸ Л.Д. Троцкий, знакомившийся с материалами процесса по публикациям в газете «Правда», отреагировал на это показание Бессонова следующим образом: «Обвиняемый Бессонов утверждает, что он послал в конце декабря 1936 года, через посредство Иогансена (так в оригинале. — В.Т.), письмо Л. Д. Троцкому. Несколько дней спустя он получил от него ответ. 18 декабря 1936 года Л. Д. Троцкий был тайно доставлен норвежской полицией на нефтеналивное судно "Руфь". 19 декабря судно это покинуло Осло, и лишь 9 января 1937 года оно прибыло в Тампико (Мексика). В конце декабря 1936 года Л. Д. Троцкий был лишен возможности переписываться с кем бы то ни было. Ему было также запрещено пользоваться телеграфом». Эта реплика была опубликована в «Бюллетене оппозиции» почему-то без указания имени автора. См.: [Троцкий Л.Д.] Заметки на полях отчетов "Правды" о процессе 21-го // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1938. № 64. О том, что Бессонов передал письмо Троцкому через Иогансона в конце декабря 1936 г. было сказано только в газетном варианте стенограммы процесса. В более полном ее варианте напечатано: «Я его передал Иогансону в декабре 1936 года» (Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 64). В тексте стенограммы, переданном для согласования в Политбюро, после слов Бессонова о том, что он передал письмо Троцкому через Иогансона, было записано: «И получил через несколько дней ответ от Троцкого. **Это было в середине декабря 1936 г.**». Выделенные жирным шрифтом слова были удалены из текста стенограммы при его редактировании в Политбюро и соответственно не вошли в опубликованную стенограмму процесса.

⁹⁹ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 64.

работу выполнил Вышинский. Е.А. Гнедин, служивший первым секретарем полномочного представительства СССР в Германии в 1935–1937 годах¹⁰⁰, в то время, когда С.А. Бессонов состоял там на более высокой по рангу должности советника полномочного представительства, присутствовал на процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока в марте 1938 года в Октябрьском зале Дома Союзов и слышал весь допрос Бессонова. В своих мемуарах Евгений Александрович написал об этом: «Среди несчастных людей, дававших показания на открытых процессах, С.А. Бессонов, к сожалению, выделяется как по особой значительности сыгранной им роли, так и по особой обстоятельности и внешней “складности” своих показаний. Сказанное вовсе не означает, что ему и его следователям удалось составить документы удачно скомпонованные и лишённые явных внутренних противоречий, не говоря уже о полном противоречии действительности. Я сам в качестве заведующего Отделом печати НКВД СССР, присутствуя на процессе вместе с подведомственными мне иностранными корреспондентами, заметил противоречия в легенде, которую излагал на суде С.А. Бессонов; иностранные журналисты в своих сообщениях смаковали обнаруженные ими несуразности. Я отметил это в сводке телеграмм, прошедших через цензуру, которая посылалась членам Политбюро. Встретив в секретариате суда Вышинского, я счёл нужным ему лично сказать, что иностранные корреспонденты сообщили своим редакциям о противоречивости и недостоверности показаний Бессонова. Прокурор, с высокой трибуны клеймивший “врагов народа”, ответил мне чисто деловым образом: “Хорошо, я переговорю с Сергеем Алексеевичем”, – так уважительно прокурор отзывался о главном обвиняемом...»¹⁰¹.

Бессонов безропотно принял правила судебной игры, предложенные ему Вышинским, и был за это вознагражден. В своей обвинительной речи прокурор СССР счёл необходимым отметить, что роль Бессонова

¹⁰⁰ Гнедин-Гельфанд Е.А. (1898–1983) был сыном Израиля Лазаревича Гельфанда – революционера, одного из организаторов революции 1905 г. в России, более известного под псевдонимом Александр Львович Парвус (1869–1924). Среди его соратников в разное время были Л.Д. Троцкий, и В.И. Ленин.

¹⁰¹ Гнедин Е.А. Катастрофа и второе рождение. Мемуарные записки Амстердам, 1977. С. 176–177.

«ограничивалась ролью связиста, которая преступна, но, по всему своему существу должна оцениваться иначе, чем преступления основных обвиняемых по этому делу». Он предложил в отношении Бессонова «ограничиться 25 годами тюремного заключения»¹⁰². Военная коллегия Верховного суда СССР была еще более снисходительной к Бессонову и приговорила его к тюремному заключению на 15 лет¹⁰³.

* * *

Альфред Розенберг которого Троцкий в беседе с Бессоновым называл своим покровителем, занимался вопросами внешней разведки, занимая пост руководителя внешнеполитического управления национал-социалистской рабочей партии (Außenpolitisches Amt der NSDAP) со времени его учреждения в апреле 1933 г. В его дневнике есть весьма любопытная запись о состоявшемся в 1934 г. разговоре с Гитлером. Розенберг сообщил ему: «В России существуют и центробежные силы. Я и дальше буду ими интересоваться. Надо быть готовым, когда дела зайдут достаточно далеко». Гитлер поощрительно ответил: «Верно, так и действуйте»¹⁰⁴.

Интересно, что именно в 1934 г. Троцкий активно искал контакты с влиятельными деятелями нацистской партии, и есть серьезные основания считать, что его усилия увенчались успехом.

Еврейское происхождение бывшего большевистского вождя совсем не вызывало у Гитлера неприятия. По свидетельству Конрада Хейдена, работавшего в начале 1930-х годов корреспондентом газеты Frankfurter Zeitung, в 1930 г. Гитлер удивил круг своих приятелей вопросом, читали ли они только что опубликованную биографию Льва Троцкого, великого еврейского лидера русской революции, и что они думают о ней. Ответы были предсказуемые: «отвратительная книга», «мемуары Сатаны» и т.п. Гитлер на это возразил: «Отвратительная? Блестящая! Я многому

¹⁰² Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 613.

¹⁰³ 11 сентября 1941 г. С.А. Бессонов, отбывавший заключение в Орловской тюрьме, в связи с приближением к городу немецких войск был расстрелян с другими заключенными этой тюрьмы.

¹⁰⁴ Розенберг А. Политический дневник (1934–1944). М., 2015. С. 43.

научился из нее и вы можете научиться»¹⁰⁵. Гиммлер тоже не согласился с отрицательными оценками мемуаров большевистского вождя, заметив, что читал не только Троцкого, но и всю доступную литературу о политической полиции в России, царской охранке и большевистской ЧК и ГПУ¹⁰⁶.

Можно догадаться, с каким разочарованием воспринимали в правительстве фашистской Германии происходившее в судебном процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока.

4

На состоявшемся 2 марта 1938 года вечернем заседании суда были допрошены народный комиссар финансов СССР Г.Ф. Гринько и народный комиссар земледелия СССР М.А. Чернов. Допросы обвиняемых, занимавших до ареста высокие посты, казалось бы, должны были касаться преимущественно их государственной деятельности и сосредоточиться на теме выдвинутого против антисоветского право-троцкистского блока обвинения в том, что он «систематически осуществлял вредительские и диверсионные акты в различных отраслях социалистического строительства (в промышленности, в сельском хозяйстве, на железнодорожном транспорте, в области финансов, коммунального хозяйства и т. п.)». Однако Вышинский построил допросы Гринько и Чернова иначе и получил показания также о том, что «право-троцкистский блок» вступил в сношение с враждебными по отношению к Советскому Союзу иностранными государствами «в целях получения с их стороны вооруженной помощи для осуществления своих преступных замыслов»¹⁰⁷.

Отвечая на вопросы государственного обвинителя, Г.Ф. Гринько сообщил: «На основании ряда разговоров, связей и заданий, которые давались Рыковым, Бухариным, Гамарником, Розенгольцем, Яковлевым, Антиповым, Рудзутаком, Ягодой, Варейкисом и целым рядом других

¹⁰⁵ Heiden K. *Der Fuehrer. Hitler's Rise to Power*. London, 1945. P. 245.

¹⁰⁶ Ibid. P. 246.

¹⁰⁷ Обвинительное заключение по делу Бухарина Н.И., Рыкова А.И., Ягоды Г.Г., Крестинского Н.Н. и др. // Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2–13 марта 1938 г. Полный текст стенографического отчета. М., 1938. С. 36.

людей, для меня стало ясным, что право-троцкистский центр в это время базировался, главным образом, на военной помощи агрессоров. Это было общей позицией и для троцкистов, и для правых, и для националистических организаций, в частности для украинской националистической организации. Это означало: подрыв оборонной мощи Советского Союза, подрывную работу в армии и оборонной промышленности; открытие фронта в случае войны и провокацию этой войны; это означало расширение связи с агрессивными антисоветскими элементами за границей; это означало согласие на расчленение СССР и на компенсацию агрессорам за счет окраинных территорий СССР»¹⁰⁸.

В отличие от показаний Бессонова, свидетельство Гринько о сотрудничестве правых и троцкистов с разведывательными органами иностранных государств ограничилось признанием самого факта таких связей. Бывший нарком финансов не привел каких-либо подробностей, позволявших подтвердить обвинение право-троцкистского блока в измене родине и шпионаже против Советского государства.

Подсудимый Г.Ф. Гринько признался также в том, что по заданию Рыкова и Бухарина организовал подрывную работу в Наркомате финансов, но охарактеризовал ее в самых общих выражениях. По его словам, руководство право-троцкистского центра придавало «большое значение развороту подрывной работы в Наркомфине, ввиду той особенной важности и политического значения, которое имеют деньги. При этом была дана бухаринская формула — ударить по Советскому правительству советским рублем... Вредительская работа должна быть развернута по тем финансовым мероприятиям, которые связаны с широкими массами населения: налоговое дело, сберегательное дело, займовое дело и другие»¹⁰⁹. Но конкретные действия, которые бывший нарком финансов отнес к категории «большая подрывная работа», вполне могли быть обыкновенными злоупотреблениями со стороны чиновников при осуществлении ими своих должностных полномочий, или результатом небрежного выполнения ими своих обязанностей. «Большая подрывная работа, — говорил Гринько в своих показаниях на

¹⁰⁸ Судебный отчет по делу антисоветского «право-троцкистского блока»... Полный текст стенографического отчета. С. 74.

¹⁰⁹ Там же. С. 76.

суде, — была проведена в области государственного бюджета. Работа эта клонилась к подрыву бюджетной финансовой дисциплины, к ослаблению финансового контроля и тем самым к возможности использования государственных средств в центре и на местах для целей заговора. Вся эта работа осуществлялась мною через ряд людей в аппарате Наркомфина по директивам, которые были мне даны правотроцкистским центром... Однако подрывная работа этим не ограничилась. От правотроцкистского центра я получил задание, используя финансы, содействовать подрывной работе по ряду других отраслей народного хозяйства. Например, право-троцкистским центром была разработана довольно большая программа в области подрыва капитального строительства. В разработке программы участвовали Пятаков, кажется, Бухарин и я. Эта программа была направлена к тому, чтобы замедлить темпы капитального строительства, сузить масштабы капитального строительства»¹¹⁰.

Допрос М.А. Чернова в зале суда был проведен государственным обвинителем по такой же схеме, что и допрос подсудимого Г.Ф. Гринько. Вышинский заставил бывшего наркома земледелия СССР дать показания о стремлении руководителей право-троцкистского блока использовать военное нападение агрессивных капиталистических стран на Советский Союз для свержения Советского правительства и захвата власти. Чернов рассказал о том, как был завербован германской разведкой для ведения шпионской и вредительской деятельности в СССР, указав при этом повод для вербовки, фамилию и должность вербовщика (это был полицейский полковник Обергауз), раскрыл полученное от него задание, каналы связи с ним и т.д. По словам Чернова, поручения, которые ему давали, сводились к тому, что он должен был систематически передавать немецкой разведке через ее представителя в Москве информации об интересовавших Германию вопросах. Также ему поручили организовать диверсионно-вредительскую работу на том участке, где он работал. Чернов назвал имя представителя разведки, с которым периодически встречался: это был некий Райвид — его товарищ по меньшевистской организации в Иванове, долго работавший в Наркомате иностранных дел СССР. «Когда я пришел на работу в Наркомзем, — говорил в зале

¹¹⁰ Там же. С. 77.

бывший нарком земледелия, — наши встречи были посвящены тому, чтобы разработать подробную программу вредительской и диверсионной работы в области сельского хозяйства по основным, узловым вопросам. Эта программа, разработанная на основе требований немецкой разведки, заключала в себе вредительство: по семенам, по севообороту, по машинно-тракторным станциям, по животноводству, причем особым условием немецкая разведка ставила организацию вредительства в области коневодства, с тем, чтобы, как Райвид говорил, не дать лошадей для Красной Армии»¹¹¹.

Рассказ бывшего наркома земледелия о том, какие диверсионные акты были им осуществлены, был очень похож на самооговор. Имелись весомые основания полагать, что подсудимый просто брал на себя и объявлял результатом собственных вредительских действий последствия обыкновенной нерадивости или неумелости руководящих и рядовых работников сельского хозяйства — поломку сельхозтехники, массовый падеж скота, утрату урожая и др. Однако Вышинский всегда вел себя на процессе так, будто вполне верил показаниям подсудимых.

«Что касается МТС, — рассказывал Чернов, — то здесь была поставлена задача — выводить из строя тракторы, комбайны, сельскохозяйственные машины, запутать финансовое хозяйство МТС, для чего сажать во главе МТС людей негодных, провинившихся и, прежде всего, членов нашей правой организации. В части животноводства были поставлены задачи — вырезать племенных производителей, добиваться большего падежа скота, не давать развиваться кормовой базе, особенно использовать для падежа скота искусственное заражение скота различного рода бактериями»¹¹². Выслушав это весьма странное признание бывшего наркома земледелия, Андрей Януарьевич невозмутимо спросил: «Скажите более подробно о падеже скота, откуда получали бактерии, какие и так далее». И Чернов продолжил рассказ о своей диверсионной деятельности в сельском хозяйстве СССР — о том, как весной 1936 года в Восточной Сибири им было погублено более 25 000 лошадей, как в Ленинградской и Воронежской областях и Азово-Черноморском крае антисоветски настроенными ветврачами с помощью биопрепаратов с

¹¹¹ Там же. С. 97.

¹¹² Там же. С. 98.

неослабленными бактериями были искусственно заражены рожей и чумой и погублены несколько десятков тысяч свиней.

В конце допроса Чернова Вышинский поинтересовался о его встречах с Рыковым. Чернов сообщил, что встречался с Алексеем Ивановичем для получения указаний и инструктажа несколько раз в период с 1928 по 1936 год. Последняя их встреча произошла приблизительно в конце 1935 или начале 1936 года. По свидетельству Чернова, во время состоявшегося в тот раз инструктажа Рыков особо подчеркнул, что «для возможности захвата власти правых в стране имеются только два выхода: это насильственное устранение руководства партии и руководства правительства, то есть, их арест или убийство, или то и другое вместе. И особенно он упирал на необходимость поражения Советского Союза в войне с капиталистическими странами, в случае нападения последних на нас, и в этом свете особо указывал на всю важность организации вредительской и диверсионной работы, говоря, что раз нам необходимо поражение Советского Союза для завоевания власти в стране, то мы это поражение должны ускорить, а равно ускорить и самое наступление войны путем уменьшения экономической и оборонной мощности Советского Союза»¹¹³.

Алексей Иванович попытался отрицать факт последней встречи с Черновым, сказав, что ничего не помнит о ней, но Чернов заверил Вышинского, что сообщил суду всю правду, а на Рыкова набросился с упреками: «Простите, пожалуйста, за грубость: или вы плохим были руководителем правой организации, чего я не думаю, или не хотите сознаваться. Никак в голову не лезет, чтобы забыть. Я не хочу сказать, что я был большим человеком и так далее, но чтобы забыть встречу с наркомом земледелия по вопросам вредительской работы — очень трудно»¹¹⁴. И Алексей Иванович ступсевался.

«Обвиняемый Рыков, — спросил его председательствующий, — на вопрос Чернова желаете ответить?» Рыков не нашел ничего лучшего, как повиниться: «Он слишком хорошо ответил. Может быть, я должен был действовать так, как он говорит. У меня вышла ошибка»¹¹⁵.

¹¹³ Там же. С. 101.

¹¹⁴ Там же. С. 103.

¹¹⁵ Там же.

* * *

Допросами бывших членов Советского правительства наркомов Г.Ф. Гринько и М.А. Чернов был завершён первый день судебного процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока. То, что было сказано в этот день на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР, выявило сущность данного процесса, если не полностью, то почти во всех его основных чертах.

Государственный обвинитель обращенными к подсудимым вопросами показал, что юридическая сторона данного судебного процесса не является главной. Подсудимые отказались от каких-либо попыток доказать свою невиновность и продемонстрировали, что вполне смирились со своей ролью уголовных преступников.

Сталин внимательно следил не только за тем, что говорили в ходе процесса обвинитель и обвиняемые. Он хотел знать, какое мнение о процессе складывается у иностранных политиков, дипломатов, ученых, писателей и журналистов, а также у советских граждан — представителей интеллигенции, военных, рабочих заводов и фабрик, как оценивают его в городах и селах, республиках, краях и областях Советского Союза. Иосиф Виссарионович явно смотрел на процесс как на грандиозное идеологическое явление, позволявшее выполнить целый важнейших задач и достичь целей, которых никакими другими способами добиться было невозможно.

С 1 марта 1938 года в Политбюро на имя секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина стали регулярно поступать из Главного управления государственной безопасности НКВД сводки агентурных донесений об откликах людей — как известных всей стране, так и самых рядовых — о судебном процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока.

Сначала это были отзывы лишь на опубликованное в газете «Правда» 28 февраля 1938 года сообщение из Прокуратуры Союза ССР о назначении на 2 марта начала слушания указанного дела в Военной коллегии Верховного суда СССР. Данное сообщение содержало лишь краткие сведения о подсудимых и преступлениях, в которых они обвинялись. Но реакция общества оказалась настолько сильной, выразительной, будто процесс уже завершился и суд вынес окончательный приговор. Сущность процесса проявилась в обществен-

ной интерпретации в самых неожиданных чертах: современники не стеснялись открыто выражать мнения, которые не просто отличались от официальной пропаганды, но и прямо противоречили ей. Некоторые пострадали за свою смелость и были взяты органами НКВД в разработку¹¹⁶.

В датированной **1 марта** 1938 года сводке агентурных донесений об откликах военнослужащих на процесс антисоветского право-троцкистского блока констатировалось, что «военнослужащими центрального аппарата Наркомата Обороны СССР и Московского гарнизона преступления обвиняемых по делу заговорщической группы право-троцкистский блок, опубликованные в извещении Прокуратуры СССР, восприняты с глубочайшим негодованием»¹¹⁷. Далее приводились высказывания, подтверждавшие этот вывод¹¹⁸.

Вместе с тем сводка отражала и серьезные сомнения в обоснованности обвинений, выдвинутых против Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского и других подсудимых. Так, жены репрессированных преподавателей военных академий – руководителя Академии Генерального штаба РККА Баторского и преподавателя Военной академии моторизации и механизации РККА заявили: «Процесс – это инсценировка для того, чтобы избавиться от лиц, неудобных

¹¹⁶ Например, студент 4-го курса географического факультета МГУ открыто высказал следующее мнение о процессе: «Про РЫКОВА не поверю, что он шпион или изменник, не такой этот человек. СТАЛИН старается убрать всех крупных людей и поставить на их место всякую мелочь, которая преклоняется перед ним и не может составить ему конкуренцию в борьбе за власть». В сводке, где приведено это мнение, после фамилии данного студента, было поставлено замечание: «Разрабатывается как участник к[онтр]-р[еволюционной] группы студентов» (Сводка о реагировании на процесс «право-троцкистского блока». 5 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 104).

¹¹⁷ Сводка реагирования военнослужащих на процесс «право-троцкистского блока». 1 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 23.

¹¹⁸ «Для меня непонятно, как они – эти кровопийцы смогли втереться в доверие партии и творить свои гнусные преступления. Если бы правительство разрешило нам, мы бы всю эту сволочь согнали на полигон, окружили бы их колючей проволокой и стали бы по ним бомбить до тех пор, пока на этом месте осталось только мокрое место (*летчик 50-й авиаэскадрильи Прокопенко*)» (там же). «Мало их расстрелять, нужно в тайгу их послать, там они отплатили бы кровью и своим потом; расстрел им, по-моему, самое малое наказание (*дежурный аэропорта Горшков*)» (там же).

правительству... Масса вряд ли сумеет разобраться в том, что опубликованы в газете вещи несоответствующие действительности»¹¹⁹.

Старший техник Управления военно-воздушных сил РККА Покровский отреагировал на сообщение о назначении к слушанию в Военной коллегии Верховного суда СССР дела антисоветского право-троцкистского блока еще более едкими словами: «Гнусное дело этот факт, но зато можно будет спрятаться за это дело и говорить: вот до чего вредили, что и Москва осталась без продуктов. Ну, ладно, будем закусывать процессом»¹²⁰.

2 марта 1938 года Сталину поступила из НКВД целая серия сводок с откликами на судебный процесс. Наиболее интересными среди них оказались мнения ученых. Академик-географ Л.И. Прасолов высказался нейтрально: «Я не понимаю смысла этих заговоров и преступлений. Они могли иметь значение как форма (грубая форма) борьбы за власть в начале революции, в период НЭПа, сейчас они бессмысленны»¹²¹.

Старший научный сотрудник Академии наук Маслов осудил процесс. «Просто страшно становится, — сетовал он, — когда узнаешь о новых именах людей, которым через 5–7 дней снимут голову. Прошедшие три процесса были ужасающи. Но, кажется, этот перещеголяет предшествующие. Это все штучки НКВД, который решил на этот раз создать особый эффект, сенсацию и потому объединил на скамье подсудимых: матерого политика БУХАРИНА, озлобленного РЫКОВА и РОЗЕНГОЛЬЦА с жуликом типа КРЮЧКОВА и садистом-профессором ПЛЕТНЕВЫМ, чтоб этот процесс выглядел громче, убедительнее. Вызывает недоумение, почему врачи примешаны к этому делу. Ведь смешно всерьез принять версию, что старик ГОРЬКИЙ был умерщвлен.

Теперь надо ждать новую волну арестов, распространяющихся на все правые элементы в партии и в стране, а также на меньшевиков, эсеров»¹²².

Любопытно, что приведенное мнение в самой главной его части разделил правовед М.М. Агарков, в то время профессор Всесоюзной

¹¹⁹ Там же. Л. 26.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Сводка агентурных донесений — отклики на процесс «право-троцкистского блока». 2 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 41.

¹²² Там же. Л. 42.

правовой академии. Он сказал о процессе коротко, но емко: «Самое поразительное здесь — преступления врачей. Ко всему остальному мы уже привыкли»¹²³. А почему привыкли, разъяснил своим высказыванием о процессе профессор Всесоюзного института машиностроения В.В. Аршинов: «Ну, чего там особенно возмущаться, все это их внутренние дела, борьба за власть»¹²⁴.

Подобный взгляд на процесс выражал и архитектор Борис Васильевич Ефимович (1895–1974). «В верхах партии идет жестокая борьба за власть, а не за генеральную линию партии — отсюда и все эти сногсшибательные громкие процессы, победившей сталинской группы над побежденной бухаринской группой»¹²⁵, — открыто говорил он.

Сводка мнений советских ученых и культурных деятелей, поданная Сталину 5 марта 1938 года, особенно важна тем, что отражала настроения людей, известных своими талантами и независимостью в суждениях.

Так, профессор МГУ историк Владимир Михайлович Хвостов (1905–1972) проигнорировал обвинения подсудимых в сотрудничестве с иностранными разведками и посмотрел на ситуацию под другим углом: «Процесс право-троцкистского блока имеет внутривнутриполитическое значение. Надо как-то отчитаться перед народом за большое количество арестованных, надо как-то объяснить партии, в чем обвиняются члены ее ЦК»¹²⁶.

Заслуженный артист РСФСР, актер Московского камерного театра Михаил Иванович Жаров как будто поверил официальной оценке процесса. «Я счастлив, — заявил он, — что к процессу поставил пьесу “Очная ставка”. Она очень ко времени. Я, играя, чувствую роль следователя и, честно говоря, переменил бы свою профессию актера на следователя прокуратуры или НКВД. Так глубока моя ненависть к БУХАРИНУ, РЫКОВУ, РОЗЕНГОЛЬЦУ и другим гадам. Я считаю, что этот процесс покажет Европе, как мы все же сильны, как мы умеем выявлять наших врагов и невзирая на всю эту дрянь мы все же

¹²³ Там же. Л. 43.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Сводка о реагировании на процесс «право-троцкистского блока». 5 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 85.

¹²⁶ Там же. Л. 84.

процветаем»¹²⁷. Авторами поставленной М.И. Жаровым пьесы «Очная ставка» являлись помощник прокурора СССР А.Я. Вышинского Л.Р. Шейнин и братья Тур (под этим псевдонимом публиковали в то время свои произведения писатели Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей).

Скорей всего актер Жаров был вполне искренним в своем гневе, обращенном к главным подсудимым процесса по делу антисоветского право-троцкистского блока.

Столь же искренней была в оценке данного процесса и выдающаяся советская актриса Ангелина Степанова. Но мысли, возникшие у нее в связи с извещением Прокуратуры СССР о начале рассмотрения дела Бухарина, Рыкова, Ягоды и др., не соответствовали официальной пропаганде. «Сообщение о процессе произвело на меня тягчайшее впечатление, — сказала она. — Это документ предельного политического цинизма, документ исключительного извращения фактов, например, все то, что в извещении относится к ЛЕНИНУ и началу революции. Если “признание” обвиняемых является человеческим маразмом (правда, неизвестно, как оно вырвано, ибо мы знаем о методах следствия), то само обвинение еще больший маразм. РЫКОВА мы знаем как прекрасного большого человека, как человека огромной честности и любви к народу. Если бы не трагедия современного дня, было бы смешно поверить в виновность такого человека, как РЫКОВ. **Такой ужас жить в наши дни клеветы и подлости, когда ложью пытаются оправдать свое наступление.** Авторы обвинения перестарались в построении занимательно-сенсационной фабулы. Это пьеса, и пьеса плохая, актерами же будут больные и доведенные до иступления лица.

Конечно, теперь можно вытащить из гробов мертвых и объявить их убитыми. Но кто поверит, что ГОРЬКИЙ, больной туберкулезом и доживший до 70-ти лет, с трудом поддерживавший в себе жизнь — пал жертвой террористов — старых членов партии или людей науки, как ПЛЕТНЕВ»¹²⁸ (выделено мною. — В.Т.).

Сталин, конечно, читал в представленной ему сводке откликов на процесс это резкое высказывание, но никаких репрессивных мер по отношению к строптивой артистке не последовало. В 1947 г., то есть еще

¹²⁷ Там же. Л. 86–87.

¹²⁸ Там же. Л. 87–88.

при Сталине, она была удостоена звания «народная артистка РСФСР», а в 1952 году получила Сталинскую премию первой степени. Родившаяся 23 ноября 1905 года, Ангелина Иосифовна Степанова дожила до конца двадцатого столетия, скончавшись 17 мая 2000 года.

Актер МХАТа Василий Константинович Новиков (1891–1956) также не принял официальную оценку поступков обвиняемых, изложенную в газетном сообщении из Прокуратуры СССР 28 февраля 1938 года. В сводку агентурных донесений, направленных 5 марта секретарю ЦК ВКП (б) Сталину, вошло следующее высказывание Новикова: «Страшные вещи у нас происходят. Какая-то непрерывная война. Страшно, если они действительно делали все то, что им приписывают. Не менее страшно, если теперь за это расстреляют, как то не уместится в голове, чтобы людей, подобных ЯГОДЕ, КРЕСТИНСКОМУ расстреливали. Да, это подлинная внутренняя война»¹²⁹.

Не поверил в юридическую обоснованность процесса Бухарина и профессор Б.Г. Кузнецов, исполнявший в то время обязанности директора Института истории науки и техники Академии наук СССР. Если верить сводке, представленной Сталину 2 марта 1938 года, в беседе с источником по поводу опубликования в газетах о «право-троцкистском блоке» КУЗНЕЦОВ сказал: «Я хорошо знаю БУХАРИНА, который всю свою жизнь “шатался”. БУХАРИН по натуре политический интриган, но в то же время он отчаянный трус и ни на какие уголовные дела, связанные с заговорами, он не пошел бы просто из трусости. Поэтому мне кажется, что в этой части следствие искусственно притянуло БУХАРИНА, хотя, несомненно, он виноват во многом другом.

Также неправдоподобно обвинение КРЮЧКОВА – личного секретаря ГОРЬКОГО. Я наблюдал их отношения и видел, что КРЮЧКОВ был предан ГОРЬКОМУ больше всех. КРЮЧКОВ также искусственно притянут к этому делу»¹³⁰. Однако Кузнецов отметил, что пребывание Гринько среди подсудимых его не удивляет, что он давно слышал, «будто ГРИНЬКО, бывший “борьбист” украинский с[оциалист]-

¹²⁹ Там же. Л. 89.

¹³⁰ Сводка агентурных донесений – отклики на процесс «право-троцкистского блока». 2 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 48.

р[революционер] (эсер. — В.Т.) был платным агентом фашистской державы»¹³¹.

Недоверие официальной версии судебного процесса по делу право-троцкистского блока выразил и профессор Тимирязевской сельскохозяйственной академии М.С. Карпов. «Теперь происходит настоящая революция, волнуются недра партии, — сказал он. — Лучшие люди несут голову на плаху, не желая покоряться правящим тиранам. Схватили сподвижников ЛЕНИНА, тех, кто должен был ему наследовать. Суть сводится, конечно, к тому, чтобы устранить политических конкурентов. Обвинение в шпионаже предъявлено, во-первых, для того, чтобы очернить людей, а во-вторых, это сделано также, как и обвинение врачей в умерщвлении известных лиц, по известному правилу, что чем нелепее обвинение, тем легче ему верят. Руководство ВКП(б) обуял животный страх, вот и косят людей направо и налево, оставляя одни ничтожества. Но все это плохо кончится, ведь не может же государство держаться на одних расстрелах и арестах. Коммунисты, т.е. многие из них, не понимают, что они издергали страну, что они смертельно надоели ей»¹³².

Оценивая с точки зрения здравого смысла юридическую сторону процесса, М.С. Карпов отметил, что обвинение сформулировано «очень глупо». В подготовке убийства Ленина, Сталина, Свердлова обвиняется группа людей, которые «имели сотни возможностей это сделать». Ягода, например, «мог пройти везде». А Левин как кремлевский врач свободно перемещался в Кремле и к тому же «он мог применить более “тонкие методы” лечения к любому из своих пациентов. Однако ничего этого не было»¹³³.

Изучение отзывов о судебном процессе по делу антисоветского право-троцкистского блока, собранных для Сталина Главным управлением государственной безопасности НКВД СССР в конце февраля–начале марта 1938 года, показывает: **практически никто не смотрел на этот процесс как на явление юридическое, как на юридическую по своей сущности деятельность государства в связи с**

¹³¹ Там же.

¹³² Сводка о реагировании на процесс «право-троцкистского блока». 5 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л. 83–84.

¹³³ Там же. Л. 84.

уголовными преступлениями. Никто не видел в Верховной коллегии Верховного суда СССР, призванной рассмотреть уголовное дело Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского и др., настоящий суд. Судебный процесс по делу право-троцкистского блока единодушно и категорично считали явлением политическим. В сводках, представлявшихся в Политбюро И.В. Сталину, встречались даже мнения о допустимости внесудебных расправ над обвиняемыми. Например, профессор Московской консерватории народный артист РСФСР Лев Петрович Штейнберг (1870–1945) так отреагировал на сообщение о начале процесса: «Когда я прочел в газете о ПЛЕТНЕВЕ и друг[их], я был ошеломлен и считаю, что на такую сволочь жалко пуль, а просто вывести на старую плаху к кремлевским станам и отрубить им головы»¹³⁴. Такую же кровожадность при известии об открытии процесса проявил и композитор Давид Семенович Блок. «Конечно, их надо безжалостно расстрелять, даже больше — сжечь на костре»¹³⁵, — заявил он.

Довольно распространенным среди приводившихся в сводках откликов на процесс, представлявшихся перед его началом Сталину, было убеждение в том, что судебный процесс в открытой, даже показательной форме над бывшими большевистскими вождями и членами правительства несет в себе определенную угрозу интересам Советского государства. Профессор П.С. Купалов задавался поэтому вопросом: «А не лучше ли было выждать с таким процессом? И зачем его проводить открытым?»¹³⁶ Он считал, что при обострении международного положения такой процесс сыграет отрицательную роль как дополнительный аргумент, отталкивающий демократический Запад от Советского Союза.

Двоюродная сестра Льва Троцкого поэтесса Вера Инбер была в этом мнении еще категоричнее. «Процесс себя не оправдывает, — заявляла она, — так как для заграницы эта демонстрация глубоких язв, разъедающих наш организм — лишняя. Что касается более далекой исторической точки зрения, то наличие стольких уголовных и

¹³⁴ Там же. Л. 86.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 83.

провокаторских элементов в руководстве страной едва ли украшает историю Октябрьской Революции»¹³⁷.

Существовала еще одна причина, по которой затеянный Сталиным судебный процесс по делу антисоветского право-троцкистского блока мог повлечь за собой отрицательные последствия. На нее указал профессор Московского университета Евгений Максимович Браудо: «Мы так свыклись с тем, что БУХАРИН и РЫКОВ — политические деятели, что нужно огромное напряжение фантазии, чтобы представить их себе политическими бандитами. Все это настолько чудовищно, что кажется невероятным»¹³⁸. Профессор добавил, что все равно считает преступления подсудимых безумными и не сомневается в истине предъявленных им обвинений, но сомнения в целесообразности проведения над бывшими большевистскими вождями открытого процесса это его замечание не развеяло.

Проведенные в первый день суда над право-троцкистским блоком допросы С.А. Бессонова, Г.Ф. Гринько и М.А. Чернова позволили только приоткрыть истинную сущность данного процесса. Важнейшие его тайны оставались неразгаданными.

¹³⁷ Сводка агентурных донесений — отклики на процесс «право-троцкистского блока». 2 марта 1938 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 403. Л.44.

¹³⁸ Там же. Л. 48.